

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXI.

1884.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъячская, № 1.

1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	21
О. О. Гонсіоровскій. Замѣтки о Словѣ о Полку Игоревѣ	261
Ф. И. Успенскій. Слѣды проповѣдей книгъ въ Византіи. III	289

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. О. Бояловичъ. Заниски Іосифа, митрополита Лѣтовскаго. С.-Пб. 1883	336
А. Н. Веселовскій. И. Ждановъ. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ. 1881.	359
А. Г. Брикнеръ. Лаврентій Рвингуберъ	398
Н. И. Веселовскій. Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю	421
— Вредныя насѣкомыя. Ф. Келлена. С.-Пб. 1881—1883	432
И. Г. Виноградовъ. Очерки западно-европейской историографіи. VII. Учено-литературныя новости по древне-классической филологіи	344
— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ)	43

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1883 годъ	27
— Отчетъ по второму отдѣленію Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ	48
— Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній	57

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Г. И. Холоднякъ. Elogia Scipionum, какъ матеріалъ для изученія архангелской латыни (продолженіе)	68
--	----

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія	103
--	-----

Редакторъ Л. Шайковъ.

(Вышла 1-го февраля).

ЗАМѢТКИ О СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Пересмотръ вопроса о томъ, на какомъ языкѣ написано Слово.—Нѣсколько замѣчаній и поправокъ къ тексту.

Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ написано Слово о Полку Игоревѣ, имѣетъ, по нашему мнѣнiю, весьма важное значенiе; отъ правильнаго рѣшенiя его зависятъ успѣшное исправленiе и объясненiе текста, и будь онъ въ самомъ началѣ надлежащимъ образомъ рѣшенъ, мы съ меньшею бы тратой времени и труда достигли большихъ результатовъ, чѣмъ тѣ, которыми въ настоящее время можетъ похвалиться многообильная литература Слова. Въ виду важности даннаго вопроса, считаемъ не лишнимъ привести главнѣйшiя существующiя въ наукѣ мнѣнiя о языкѣ Слова, а затѣмъ уже выскажемъ нашъ взглядъ на этотъ предметъ.

I.

Впервые серьезное вниманiе на языкъ нашего памятника обратилъ К. Ѡ. Калайдовичъ. Еще въ 1812 г. предложилъ онъ для рѣшенiя слѣдующiй вопросъ: „на какомъ языкѣ писана была Пѣснь о Полку Игоревѣ, на древнемъ ли славянскомъ, существовавшемъ въ Россiи до перевода книгъ Священнаго Писанiя, или на какомъ-нибудь областномъ нарѣчiи (древняго языка славянскаго)¹⁾”? Прошло нѣсколько лѣтъ, и отвѣтъ никѣмъ не былъ представленъ. Тогда Калайдовичъ самъ взялся за рѣшенiе имъ же предложеннаго вопроса и въ 1818 году напечаталъ статью: „Опытъ рѣшенiя вопроса на какомъ языкѣ писана

¹⁾ Труды Общ. люб. русск. слов. при Импер. Московск. Универс. 1812 г., часть IV, стр. 159, 177—181.

Пѣснь о Полю Игоревѣ¹⁾. Въ этой статьѣ онъ пришелъ къ заключенію, что Пѣснь сочинена, по всѣмъ вѣроятіямъ въ нынѣшней Малороссіи; что она писана не на томъ славянскомъ языкѣ, который существовалъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, не на какомъ-либо древнемъ областномъ нарѣчій или нынѣ употребляемомъ, но сочинена славяно-русскимъ языкомъ, подобнымъ библейскому и сходнымъ съ лѣтописями, грамотами и другими историческими памятниками; что нарѣчіе ея, изъ всѣхъ славянскихъ, судя по нѣкоторымъ словамъ и рѣченіямъ, болѣе подходитъ къ польскому языку. Миѣніе Калайдовича о близости языка Слова къ польскому раздѣлялъ Пожарскій, какъ это можно заключить изъ того, что онъ въ примѣчаніяхъ постоянно ссылается на польскій языкъ²⁾.

По указанному двумя названными изслѣдователями пути пошли польскіе ученые: Бѣлевскій, Лукашевичъ, Вишневскій, Мацѣевскій. Они стали развивать мысль, что Слово принадлежитъ польской литературѣ и написано польско-русскимъ языкомъ. Въ то время, какъ Калайдовичъ и Пожарскій, признавая польскій элементъ въ Словѣ, ограничились лишь констатированіемъ самаго факта, польскіе ученые видѣли въ немъ результатъ вліянія Польши на Русь. Объясненіе это грѣшитъ такою явною несообразностью, что даже не нуждается въ опроверженіи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы даже допустить, что вліяніе Польши на Русь было довольно значительно, то во всякомъ случаѣ оно не могло быть столь громаднo, чтобы замѣтнымъ образомъ отразиться въ языкѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить и то, что Пѣснь возникла въ Сѣверскомъ княжествѣ, а за Днѣпромъ, въ области Сейма, даже о малѣйшемъ вліяніи Польши и рѣчи быть не можетъ. Миѣніе Войцицкаго, что приднѣпровскіе Поляне—Ляхи, еще менѣе нуждается въ опроверженіи. Несостоятельность доводовъ своихъ соотечественниковъ сознавалъ Кондратовичъ. Онъ говоритъ, что Слово лишь благодаря прекрасному переводу Бѣлевскаго сдѣлалось національною собственностью Поляковъ. По его миѣнію, оно написано на бѣлорусскомъ нарѣчій въ концѣ XII вѣка. Что Слово возникло не въ Бѣлороссіи, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; но тогда при чемъ тутъ бѣлорусское нарѣчіе?

Митрополитъ Евгеній находилъ, что языкъ Слова чистый словено-

¹⁾ Ibid. 1818 г., часть II, стр. 31 и 32.

²⁾ Слово о Полю Игоря Святославича. С.-Петербург. 1819.

русскій ¹⁾, но свое мнѣніе онъ сопровождалъ такими замѣчаніями, которыя заставляютъ полагать, что онъ самъ не совсѣмъ-то считалъ языкъ Слова „чистымъ“ отъ посторонней примѣси. Вотъ что онъ, между прочимъ, говоритъ: „Весьма многія слова и цѣлыя словосочиненія польскія, видимыя въ сей позмѣ, и сходство ихъ съ Волинскою лѣтописью заставляютъ полагать, что языкъ ея хотя русскій, однакожь больше задѣпровскій, особливо волинскій, сближенный съ польскимъ, а не нашъ украинскій, который началъ смѣшиваться съ польскимъ уже по завладѣніи Украинскихъ странъ Литвою, съ XIV століи еще позже“. На это мы должны замѣтить, что нельзя ничего привести въ пользу того мнѣнія, что Слово составлено на Волини, въ то время какъ всѣ наличныя данныя говорятъ о возникновеніи нашего памятника по лѣвую сторону Днѣпра — въ Новгородъ-Сѣверскомъ княжествѣ, куда вліяніе Польши, по словамъ самого же митрополита Евгенія, не проникало до XIV вѣка или еще позже. Но если Слово составлено не на Волини, а въ Новгородъ-Сѣверскомъ княжествѣ, то и несостоятельность объясненія митрополита Евгенія очевидна и косвенно имъ же признана.

Граммативъ, въ предисловіи къ изданію 1823 г. замѣчаетъ, что Слово о Полку Игоревѣ писано славенскимъ языкомъ, съ смѣсью стариннаго русскаго, а не стариннымъ русскимъ языкомъ, какъ сказано въ заглавіи первыхъ издателей ²⁾. Здѣсь позволимъ себѣ спросить: что слѣдуетъ разумѣть подъ стариннымъ русскимъ языкомъ—языкъ ли древне-великорусскій, древне-малорусскій или древне-бѣлорусскій, или же ни то, ни другое, ни третье, а тотъ языкъ изъ котораго развились (въ силу какихъ причинъ?) всѣ три нарѣчія русскаго языка? Пока на эти вопросы не получимъ примаго отвѣта, считасмъ лишнимъ считаться съ приведеннымъ мнѣніемъ, такъ какъ оно представляетъ наборъ словъ, лишенныхъ точнаго и опредѣленнаго значенія. Сказанное по поводу мнѣнія Грамматина относится и ко всѣмъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя не удовлетворяютъ вышеуказанному условію. На нашъ взглядъ, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о образованіи нарѣчій русскаго языка, до тѣхъ поръ всѣ мнѣнія о языкѣ Слова о Полку Игоревѣ будутъ лишены прочнаго основанія, и дѣло никогда не дождется рациональнаго рѣшенія. Уже Погодинъ затронулъ одну сторону этого вопроса и въ статьѣ „Языкъ главнаго

¹⁾ О пѣснопѣвцѣ Игоревомъ. *Смыслъ Отечества*, ч. 72.

²⁾ Слово о Полку Игоревѣ. Москва, 1823 г., стр. 3 и 83 примѣч. 3.

племени⁴ возсталъ противъ господствующаго мнѣнія, по которому южныя и юго-западныя племена, упоминаемыя начальною лѣтописью, признаются за родоначальниковъ Малороссовъ. Онъ старается доказать, что главное племя, Поляне, говорили по великорусски, что Несторъ и его продолжатели, кievскіе лѣтописцы, писали на языкѣ этого племени. Сверхъ того онъ, склоненъ допустить, что Великороссы первоначально занимали, кромѣ Киевской губерніи, еще Подольскую, Волинскую, Черниговскую и Полтавскую¹⁾. Что касается мѣстожителства Малороссовъ, то мнѣніе Погодина на этотъ счетъ крайне сбивчиво и неопредѣленно. Сказавъ, что многія имена въ Киевской, Подольской и Волинской губерніяхъ звучатъ по великорусски, онъ тѣмъ не менѣе допускаетъ, что Подолія, Галиція и Волинь могли быть ископи заселены Малороссами. Малороссы — продолжаетъ онъ — могли придти еще и отъ Карпатскихъ горъ и занять Киевскую губернію такъ, какъ потомки ихъ въ XVII столѣтіи заняли Харьковскую, подвинулись къ Воронежу и къ Курску. Такимъ образомъ, Погодинъ, въ сущности, отстаивалъ лишь великорусское происхожденіе Полянъ, стараясь въ то же время доказать, что на языкѣ этого племени писалъ Несторъ и его кievскіе продолжатели. Что касается малорусскаго нарѣчія, то Погодинъ косвенно признаетъ его существованіе для древнѣйшихъ временъ, но затрудняется опредѣлить, какія имѣло племена, упоминаемыя Начальною лѣтописью, слѣдуетъ признать за родоначальниковъ Малороссовъ. О Бѣлоруссахъ онъ умалчиваетъ. Теорія Погодина является, стало быть, чѣмъ-то не полнымъ, отрывочнымъ. Тѣмъ же недостаткомъ отличается и мнѣніе Максимовича и другихъ ученыхъ, старающихся отстоять прежнюю точку зрѣнія на данный вопросъ. Ниже мы представимъ опытъ рѣшенія этого капитальнаго вопроса во всемъ его объемѣ, а теперь вернемся къ прерванному обзорѣ мнѣній о языкѣ Слова.

Кн. Вяземскій въ своемъ „Исслѣдованіи о вариантахъ“ (стр. 4) высказался слѣдующимъ образомъ: Что касается до языка, на коемъ написано Слово, то всею правильнѣе смотрѣть на него, какъ на языкъ древне-церковно-славянскій, общій племенамъ южнымъ и сѣвернымъ, западнымъ и восточнымъ, отражающій въ себѣ разнообразныя отбѣнки, встрѣчающіеся въ современныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ

¹⁾ „Много собственныхъ именъ въ Киевской, Волинской и Подольской губерніи звучатъ Великороссійскими..... Можетъ быть, единоплеменны съ Полянами были еще Сяверяне, Суличи“ (Древн. Русск. Ист. до Монг. ига, II, стр. 732—736).

племень, и воспринявшій въ себя формы живой рѣчи, принадлежавшія въ то время разнымъ племенамъ, какъ это проявляется весьма замѣтнымъ образомъ въ нашихъ лѣтописяхъ, особенно въ Ипатьевской. Что хотѣлъ кн. Вяземскій сказать этими словами—понять довольно трудно. По видимому, дѣло идетъ или о праязыкѣ славяпскомъ, или о какой-то искусственной смѣси, составленной невѣдомо кѣмъ, когда и гдѣ, очевидно для того чтобы облегчить разнымъ Славянскимъ племенамъ пониманіе другъ друга. Если эта послѣдняя догадка вѣрна, то окажется, что надъ составленіемъ обще-славянскаго языка, съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ наши дни, поработали неизвѣстные намъ ревнители Славянства около 1000 лѣтъ тому назадъ.

По мнѣнію Вельмана ¹⁾, Слово написано на южномъ мягкомъ нарѣчій правописаніемъ, сходнымъ съ древними лѣтописями. Что онъ понималъ подъ этимъ южнымъ, мягкимъ весьма нарѣчіемъ, можно только догадываться, такъ какъ онъ намъ этого не поясняетъ. Интересно однако было бы узнать: существовало ли уже въ то время „сѣверное твердое“ нарѣчіе, или его еще не было на свѣтѣ?

По поводу изданія Слова Вельманомъ, Максимовичъ помѣстилъ статью въ Молвѣ (1833 г. № 23 и 24), въ которой между прочимъ коснулся и вопроса о языкѣ Пѣсни. По мнѣнію Максимовича, языкъ Слова древне-русскій, при чемъ въ немъ замѣтно большое вліяніе тогдашняго книжнаго церковно-славянскаго языка. „При этомъ вліяніи“, говоритъ онъ,—„видно безпрестанное отступленіе отъ формъ его, несравненно большее, чѣмъ въ Несторовой лѣтописи и другихъ того времени памятникахъ. Такое отступленіе основывалось на стремленіи къ языку народному, живому. Этимъ живымъ языкомъ, второю стихіею Слова, было нарѣчіе южно-русское, изъ коего впоследствии выросъ языкъ малороссійскій. Малороссійскій языкъ сохранилъ много словъ и оборотовъ, встрѣчаемыхъ въ древнихъ нашихъ славянскихъ памятникахъ и утраченныхъ въ великорусскомъ языкѣ. Поэтому многія мѣста очень легко объясняются изъ языка малороссійскаго“.

Въ другой своей статьѣ, напечатанной въ январской книжкѣ Журн. Народ. Просв. за 1837 г., Максимовичъ замѣчаетъ о языкѣ Слова, что „онъ по своему составу, то-есть, въ лексико-грамматическомъ отношеніи, сходенъ съ языкомъ Нестора, Мономаха и особенно съ

¹⁾ Слово о полку Игоревѣ, стр. XI.

языкомъ Кіевской и Волынской лѣтописей, но въ немъ болѣе чѣмъ въ послѣднемъ замѣтно бореніе народно-русскаго языка съ книжно-славянскимъ. Это потому, что Пѣснь есть произведеніе мірское, поэтическое XII вѣка. Намѣреніе воспѣть старыми словесы показываетъ уже, что былъ тогда другой языкъ, относительно славянскаго новый, употребительный въ разговорѣ, а вѣроятно, и въ пѣснопѣніяхъ того времени. Сей природный и привычный пѣвцу языкъ былъ южно-русскій (Сѣверской области), и сего языка слова и обороты безпрестанно пробиваются сквозь покровы словенскаго. Оттого у него находите одни и тѣ же слова и ихъ измѣненія по этимъ двумъ языкамъ, находите слова и ихъ измѣненія, до нынѣ сохранившіяся въ украинскомъ языкѣ и не существующія въ языкѣ собственно великорусскомъ.

Такой же взглядъ на языкъ Слова высказываетъ и рецензентъ Максимовичева перевода Пѣсни на малорусское нарѣчіе. Въ статьѣ, напечатанной въ Кіевскихъ Вѣдомостяхъ (№ 26 за 1857 г.), онъ говоритъ, „что въ Малороссіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо сохранилось то нарѣчіе, которымъ говорили Русскіе при Ярославѣ Мудромъ и Мстиславѣ Храбромъ“. На это мы замѣтимъ слѣдующее: Если Русскіе при Ярославѣ I и Мстиславѣ Храбромъ говорили по малорусски, то откуда взялся великорусскій языкъ? Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно говорить о томъ, что языкъ самага многочисленнаго племени образовался изъ малорусскаго подъ вліяніемъ другихъ климатическихъ условій и вслѣдствіе инородческой примѣси къ славянской крови. Впрочемъ, еслибъ и допустить это, то и тогда подобная гипотеза должна быть признана несостоятельною, такъ какъ она не можетъ намъ объяснить, въ силу какихъ причинъ возникло бѣлорусское нарѣчіе. О мнѣніи Максимовича мы скажемъ еще нѣсколько словъ ниже.

Полевой въ статьѣ, напечатанной въ Московскомъ Телеграфѣ¹⁾, говоритъ, что языкъ Пѣсни, есть языкъ русскій, юга русскаго, конимъ говорили въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ, Черниговѣ, тогдашнемъ пребываніи Ольговичей.

Глаголевъ²⁾ находитъ неосновательнымъ предположеніе нѣкоторыхъ прежнихъ толкователей, что Пѣснь писана въ Малороссіи

¹⁾ За 1833 г. часть V стр. 432.

²⁾ Умозрительныя и опытыя основанія словесности. 1834 г.

и на нарѣчїи, ближе подходящемъ къ польскому, нежели къ остальнымъ славянскимъ.

Бѣликовъ ¹⁾ высказываетъ мнѣніе, что въ статистическомъ отношеніи Слово представляетъ смѣсь разныхъ языковъ. Большая часть принадлежитъ великорусскому языку, но есть и южнорусскія слова, много польскихъ, сербскихъ (?) и татарскихъ. Здѣсь, говоритъ онъ, — является сомнѣніе въ подлинности: слѣдовало бы ожидать преобладанія малорусскаго языка, если Слово было написано въ Малороссіи, а выходитъ на оборотъ, преобладаетъ языкъ великорусскій.

Дубенскій замѣчаетъ, что Пѣснь Игорева близка ко всѣмъ славянскимъ нарѣчїямъ, но не сама по себѣ, а потому что живой русскій языкъ XII вѣка, на которомъ она написана, былъ ближе въ то время ко всѣмъ славянскимъ нарѣчїямъ ²⁾.

Головинъ того мнѣнія, что въ Словахъ о Полку Игорева господствуютъ два нарѣчїя: русское и церковно-кирилловское или славянское. Изъ русскихъ нарѣчїй Слово болѣе удалено отъ бѣлорусскаго и новгородскаго и ближе къ малорусскому и великорусскому ³⁾.

Туловъ находитъ, что языкъ Слова представляетъ смѣсь языка церковно-славянскаго съ народно-русскимъ, которой нѣтъ въ народной поэзіи ⁴⁾.

Рецензентъ изданія Гербеля въ Современникѣ (за 1854 г. № 2) высказалъ слѣдующій взглядъ на языкъ Слова: „оно написано на томъ языкѣ, на которомъ долженъ былъ говорить его сочинитель, житель Новгорода-Сѣверскаго. Новгородъ же Сѣверскій былъ столицей особаго племени (какого?). Языкъ этого племени долженъ быть самостоятеленъ. Онъ составляетъ срединное звено между нарѣчіемъ бѣлорусскимъ, малорусскимъ, новгородскимъ и великорусскимъ. Вотъ почему въ языкѣ Слова смѣшеніе нарѣчїй“.

Мы ограничиваемся приведеніемъ лишь указанныхъ мнѣній, такъ какъ остальные или не представляютъ ничего новаго противъ сказаннаго выше названными изслѣдователями, или же, какъ мнѣніе Сенковскаго и другихъ, могутъ быть не принимаемы въ расчетъ, такъ какъ вполне уже доказано, что исходная ихъ точка зрѣнія на Слово

¹⁾ Некоторые изслѣдованія о Словахъ о Полку Игорева (Ученія Зап. Моск. Унив. 1834 г. часть V).

²⁾ Взглядъ на исторію литерат. Сл. о П. Иг. (Русск. достоп. ч. III, 1844).

³⁾ См. предисловіе къ Сл. о П. Иг. М. 1846 г. стр. XII.

⁴⁾ Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи. Кіевъ. 1853.

какъ на позднѣйшумъ поддѣлку—не выдерживаетъ критики. Сущность всѣхъ этихъ мнѣній сводится къ тому, что въ языкѣ Слова много такого, чего нельзя объяснить ни изъ великорусскаго, ни изъ церковно-славянскаго языка. Этотъ подмѣченный чуть ли не поголовно всѣми изслѣдователями фактъ одни объясняли польскимъ вліяніемъ; другіе видѣли въ немъ доказательство того, что Слово написано на малорусскомъ нарѣчій; третьи говорили, что это результатъ большей близости славянскихъ нарѣчій въ данную эпоху; четвертые полагали, что Новгородъ-Сѣверское княжество, гдѣ возникло Слово, было населено отдѣльнымъ племенемъ, языкъ котораго составлялъ соединительное звено между малорусскимъ, бѣлорусскимъ, новгородскимъ и великорусскимъ нарѣчійми, и потому въ немъ такая смѣсь нарѣчій и т. д. На несостоятельность, или по крайней мѣрѣ, на неточность нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній мы уже указали; другія же, во избѣжаніе лишнихъ повтореній, мы оставили безъ опроверженій, замѣтивъ лишь, что только послѣ рѣшенія вопроса о возникновеніи нарѣчій русскаго языка возможенъ правильный отвѣтъ на вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ написанъ нашъ памятникъ. Такая постановка дѣла требуетъ, стало бытъ, предварительнаго отвѣта на слѣдующіе вопросы: Что такое великорусское, бѣлорусское и малорусское нарѣчія? Выросли ли эти три вѣтви русскаго языка изъ одинаго русскаго ствола, независимо отъ примѣси посторонней крови, а лишь подъ вліяніемъ различныхъ климатическихъ, почвенныхъ и другихъ условій, среди которыхъ жила та или другая часть одинаго Русскаго народа, или же они вызваны къ жизни смѣшеніемъ русскихъ племенъ, единныхъ по языку, съ племенами не русскими? Въ первомъ случаѣ рождается вопросъ: какія племена, изъ упоминаемыхъ Начальною лѣтописью, слѣдуетъ признать за родоначальниковъ Великоруссовъ, Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ? Къ какому времени слѣдуетъ отнести начало возникновенія нарѣчій? Какое изъ нихъ сохранило въ наиболѣе чистомъ видѣ особенности русскаго праязыка? Во второмъ—какая примѣсь нарушила единство русскаго языка и вызвала къ жизни нарѣчія великорусское, малорусское и бѣлорусское? Какое изъ нихъ слѣдуетъ признать за прямаго потомка древне-русскаго языка, чуждаго этой примѣси?

Нашъ отвѣтъ на эти вопросы таковъ:

1) Русскія племена, упоминаемая Начальною лѣтописью, говорили на языкъ, котораго прямымъ потомкомъ слѣдуетъ признать языкъ великорусскій.

2) Малорусское и бѣлорусское нарѣчія представляютъ результатъ смѣшенія древне-русскаго (= древне-великорусскаго) языка съ языкомъ Вятичей и Радимичей—Поляковъ. При этомъ:

а) Малорусское нарѣчіе возникло изъ смѣси языка Вятичей, а отчасти, быть можетъ, и южныхъ Радимичей съ языкомъ Сѣверянъ. Въ Червонной Руси такая же смѣсь образовалась вслѣдствіе наплыва польской колонизаціи¹⁾. Въ результатъ получился новый типъ и языкъ. При сліяніи перевѣсъ остался на сторонѣ русскаго элемента.

б) Бѣлорусское нарѣчіе есть результатъ сліянія Радимичей—Поляковъ съ Полоцкими Кривичами и Дреговичами. Сверхъ того, послѣдніе подверглись воздѣйствію многочисленной польской колонизаціи, которая неудержимымъ потокомъ стремилась сюда изъ Мазовіи.

Только съ точки зрѣнія предложенной нами теоріи и возможно удовлетворительно отвѣтить на подобныя слѣдующимъ вопросы: По-

¹⁾ Что въ Восточной Галиціи со времени ея присоединенія къ Польшѣ много погибло для польскаго народа мазурской крови, это общезвѣстный фактъ, который не нуждается въ доказательствахъ. Мы же считаемъ сверхъ того несомнѣннымъ и то, что уже въ древнѣйшія времена обнаруживалось то же самое явленіе, по крайней мѣрѣ на земляхъ, называемыхъ Начальною лѣтописью Червенскими городами. Города эти, на сколько запомнить исторію, входили въ составъ Польши. „Въ лѣто 6489 (981) Иде Володимерь къ Ляхамъ и зал грады ихъ Перемышль и Червень и ныи грады, иже суть и до сего дне подъ Русью“. Послеъ смерти Владиміра Святаго, Болеславъ Храбрый вернулъ то, что потерялъ его отецъ Мечиславъ I. Но Ярославъ I, пользуясь плачевнымъ положеніемъ Польши при Мечиславѣ II, вновь завоевалъ эти города. Что польскій элементъ проникалъ туда подъ сѣнью польской державы, если только онъ тамъ не существовалъ искони,—это то врядъ ли можно отвергать. Обращаю здѣсь вниманіе на то, что названіи городовъ Червень и Перемышль несомнѣнно польскія. Русская форма перваго изъ нихъ, согласно законамъ русской фонетики, должна бы быть Червентъ: между тѣмъ лѣтописецъ неуклонно пишетъ Червень, польск. Czegwień. Перемышль хотя и въ первой своей половинѣ является въ русской формѣ, но за то въ общемъ онъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о своемъ польскомъ происхожденіи. Przemysław, Przemysł—исключительно западо-славянскія имена, чуждыя русскому міру. Отъ личнаго Przemysłъ прилагательная форма Przemysły, какъ отъ Wszegrad—Wszegradz, Szegradz—Sieradz (ср. русск. Севоложъ при личн. Всеволодъ) и т. д. Города эти несомнѣнно были основаны Поляками. Что касается земель, лежащихъ по сѣверо-восточнымъ склонамъ Карпатовъ, то польскій элементъ проникалъ туда вѣсть съ воениципальными и путемъ мирныхъ сношеній съ Польшей. Что Галицкая Русь состояла въ 1340 г. въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Польшей, а особенно съ Мазовіей, извѣстно всѣмъ и каждому. На сколько польское влияние было тамъ сильно, видно изъ того, что польскій князь Болеславъ Тройденевичъ могъ быть приглашенъ занять престолъ, когда въ Галичѣ прекратился домъ Рюриковичей.

чему, напимѣрь, Новгородскіе-Кривичи говорятъ по великорусски, а Полочане-Кривичи по бѣлорусски? Почему восточно-малорусское нарѣчіе, не смотря на ближайшее сосѣдство съ великорусскимъ, больше отличается отъ него, чѣмъ западное? Почему въ малорусскомъ роз, а не раз, зоря, а не заря? Почему даже великорусскій языкъ представляетъ признаки западно-славянскихъ нарѣчій? Почему въ бѣлорусскомъ д смягчается въ дз, т въ ц, какъ и въ польскомъ языкѣ, чего нѣтъ ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, если не считать лужицкихъ, которыя ближе всего стоятъ къ польскому языку? Почему лексикографическій составъ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій представляетъ столь много общаго съ польскимъ языкомъ? и т. д. Вѣдь пельзя же, вопреки очевидности, утверждаютъ, что горсть польской шляхты, разбѣянной среди массы русскаго населенія, котораго она чуждалась, произвела столь существенныя перемѣны въ языкѣ коренныхъ обитателей страны, и то въ теченіе относительно короткаго періода времени, такъ какъ Поляки только со времени Люблинской уніи (1569 г.) получили право селиться на земляхъ литовско-русскихъ. Вѣдь, наконецъ, малорусскій, а особенно бѣлорусскій языкъ извѣстенъ намъ не со вчерашняго дня; имѣются памятники, восходящіе ко временамъ, когда о польскомъ вліяніи въ томъ значеніи, какъ это слово обыкновенно понимаютъ, и рѣчи быть не могло. И что же? Языкъ этихъ памятниковъ преемственъ польскими выраженіями и оборотами. Какъ же они туда попали?

Это одна сторона дѣла. Другая состоитъ вотъ въ чемъ: Возможно ли допустить, чтобы цѣлыя два польскія племена — Радимичи и Вятичи, столь упорно отстаивавшія свою независимость, слились съ Русскимъ народомъ въ одно цѣлое, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ языкѣ, характерѣ и типѣ? А что они дѣйствительно упорно стояли за свою политическую обособленность, объ этомъ свидѣтельствуетъ Начальная лѣтопись. Такъ, Радимичи были покорены уже Олегомъ, но еще при Владимірѣ Святомъ, когда ни одно изъ русскихъ племенъ, даже Древяне, не думало сопротивляться власти Кіевскихъ князей, они поднимаютъ знамя возстанія. Про Вятчей и говорить нечего. Это храброе и сильное племя постоянно позставало и ипогда не безъ успѣха боролось за свою независимость. Такъ, въ княженіе Ярополка Святославича, а можетъ быть, и не многимъ раньше, имъ удалось отложиться отъ Кіева, какъ это явствуетъ изъ словъ Начальной лѣтописи: „Въ семь же лете (981 Володимерь) и Вятичи побѣди и възложи на нь дань отъ плуга, якоже и отецъ

его имаше". Оставляя въ сторонѣ другіе факты, я укажу здѣсь только на то, что еще Владиміръ Мономахъ долженъ былъ двѣ зимы воевать съ вятицкимъ княземъ Ходотой и его сыномъ, прежде чѣмъ ему удалось сломить ихъ сопротивленіе.

Но если Радимичи и Вятичи крѣпко стояли за свою политическую независимость, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они не подверглись воздѣйствію сосѣднихъ русскихъ племенъ и въ свою очередь не оказывали на нихъ своего вліянія. При скудости лѣтописныхъ извѣстій, сказать что-нибудь положительное, конечно, трудно, но можно полагать, что еще въ языческія времена Сѣверяне подверглись сильному вліянію своихъ сосѣдей Радимичей и Вятичей — Поляковъ. Это явствуетъ изъ словъ Начальной лѣтописи: „И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху“. Тутъ важно было бы опредѣлить, когда два названныя ляхскія племени поселились въ Россіи. За неимѣніемъ прямыхъ указаній, возможны только догадки. Намъ кажется вѣроятнымъ, что событіе это относится къ тому времени, когда Готы утвердились на южномъ берегу Балтійскаго моря, и что, по всей вѣроятности, они то и были причиной переселенія двухъ польскихъ племенъ въ страны верхняго Днѣпра и верхней Оки. Если это такъ, то ничего нѣтъ страннаго, что Русскіе Сѣверяне и Поляки Радимичи и Вятичи „одинъ обычай имяху“. При всей замкнутости племенъ, при всемъ отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, сожителство, въ теченіе многихъ вѣковъ, должно было отразиться въ нравахъ, обычаяхъ, религіозныхъ вѣрованіяхъ и языкѣ этихъ племенъ. На нашъ взглядъ господство Хазаръ въ этихъ мѣстахъ должно было сильно содѣйствовать сближенію Вятичей и Сѣверянъ. Общность врага, послѣгнувшаго на свободу, какъ однихъ, такъ и другихъ, создавала почву общихъ интересовъ, на которой оба эти племени подавали себѣ руку и вступали въ тѣсныя, дружественныя отношенія. Въ теченіе многовѣковаго сосѣдства Сѣверянъ и Вятичей такихъ моментовъ было, конечно, не мало, хотя въ виду молчанія источниковъ, мы о нихъ ничего не знаемъ. А разъ завязанныя сношенія, продолжавшіяся въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго періода времени, не могли вдругъ оборваться, даже послѣ исчезновенія причины, вызвавшей ихъ къ жизни. Такимъ образомъ, начало сліянія Вятичей-Поляковъ съ Сѣверянами-Русскими мы относимъ ко временамъ, о которыхъ Начальная лѣтопись ничего не знаетъ.

Въ какомъ періодѣ находилось сліяніе въ XII вѣкѣ, и какъ далеко оно простиралось на западъ, сказать довольно трудно. Есть,

однако, основаніе утверждать, что польская волна уже достигла Днѣпра. Кромѣ показанія Начальной лѣтописи, что „Сѣверяне, Радимичи и Вятичи одинъ обычай имяху“, объ этомъ свидѣлствуютъ еще другіе факты. Дѣло въ томъ, что въ Поученіи Владиміра Мономаха, который, какъ извѣстно, княжилъ попеременно, въ Смоленскѣ, Черниговѣ, Переяславѣ Русскомъ и наконецъ въ Кіевѣ, есть несомнѣнно польскій элементъ и то въ такихъ формахъ, что сомнѣнія врядъ ли возможны. Приведемъ хоть два, три примѣра.

„Мнѣ ли бы прислати къ тобѣ достойно, цѣли тобѣ ко мнѣ“; срав. простонар. польск. *sułi*, литерат. *szułi*—или: „Аще ли кому не любя грамотица си, а не поохригаются, но тако се рекутъ...“; ср. польск. *grzytać* (скрежетать зубами), *złotyć*, *szepotyć*—злиться, сердиться. „Спаанье есть отъ Бога, присуждено полдне отъ чина бо почиваеть и звѣрь и птица и человекъ“, ср. польск. *szynić*—дѣлать; *szyn*—дѣло. „И азъ видѣхъ смѣренье сына своего“; ср. польск. *uśmierzyć*—усмирить; *uśmierzenie*—у-смирение. „Дьяволъ бо не хоче добра роду человеческому, сваживаетъ ны“. Въ этомъ примѣрѣ обращаетъ на себя вниманіе глаголъ не хоче, употребленный въ 3-мъ лицѣ единств. числа безъ окончанія *тъ*; затѣмъ—сваживаетъ, ср. польск. *swargzyć*—ссорить, *swarg*—ссора, раздоръ. Съ этими и другими польскими словами, которыя встрѣчаются въ Поученіи и въ Писемѣ къ Олегу, Владиміръ Мономахъ познакомился, вѣроятно, въ то время, когда княжилъ въ городахъ, лежавшихъ на востокъ отъ Днѣпра. Но если въ языкѣ Владиміра попадаютъ польскія выраженія, то легко себѣ представить, на сколько былъ сильнѣе польскій элементъ въ языкѣ члассы населенія. Вотъ почему мы полагаемъ, что польско-вятичская волна достигла въ XII вѣкѣ до Днѣпра.

Послѣ всего сказаннаго нами о возникновеніи нарѣчій русскаго языка, вопросъ о языкѣ Слова разрѣшается самъ собою. Слово написано на смѣси древне-великорусскаго съ языкомъ вятичско-польскимъ ¹⁾. Возможность возникновенія подобной смѣси не требуетъ доказательствъ. Живые примѣры имѣются и теперь передъ глазами. Возьмите польскій языкъ въ австрійской Силезіи (или даже въ прусской), гдѣ Чехи и Поляки живутъ рядомъ, возьмите—чтобы не ходить далеко за примѣрами—тѣ мѣстности, гдѣ великорусское племя

¹⁾ Въ немъ сверхъ того замѣтны кое-какія славянскія особенности, характеризующія германско-славянскій языкъ; впрочемъ онъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ иреническому.

соприкасается съ малорусскимъ и бѣлорусскимъ, и возможность превратится для васъ въ неоспоримый фактъ. То, что Максимовичъ называетъ отступленіемъ отъ тогдашняго книжнаго церковно-славянскаго языка, принадлежитъ Вятчанъ-Полякамъ, а основа языка Слова есть достояніе древне-великорусскаго языка. Въ Словѣ замѣтно бореніе этихъ двухъ стихій; такъ, на ряду съ польскою формой зоря, проходитъ русская—заря; россушая и раскропити; жадость и жалощами ¹⁾ и пр. Существовало ли это бореніе въ языкѣ автора Слова о Полку Игоревѣ, или же это результатъ искаженія первоначальнаго текста переписчикомъ-Великоруссомъ, рѣшить довольно трудно. Последнее кажется вѣроятнѣе. По крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ мѣстѣ Слова: „вежи ся Половецкія подвизашася“ последнее ся несомнѣнно принадлежитъ великорусскому переписчику, который, будучи непривыченъ ставить возвратное мѣстоименіе передъ глаголомъ, написалъ ся два раза: первое принадлежитъ подлиннику, а второе забывшемуся писцу.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, приступаемъ къ пересмотру мѣстной и поправокъ, существующихъ въ литературѣ по поводу тѣхъ или другихъ темныхъ мѣстъ Слова о Полку Игоревѣ, а затѣмъ уже предложимъ наше чтеніе и толкованіе. Конечно, не всѣ наши поправки являются, такъ-сказать, результатомъ нашего воззрѣнія на языкъ Слова: нынѣ явились въ силу другихъ соображеній, какъ это читатель увидитъ ниже. Текстъ мы будемъ приводить по перепечатанному Печарскимъ изданію графа Мусина-Пушкина.

II.

Спала князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи
искусити Дону великаго.

Приведенное мѣсто графъ Мусинъ-Пушкинъ переводъ такъ: „Пришло князю на мысль пренебречь худое предвѣщаніе и извѣдать счастья на Дону великомъ“. Шишковъ находитъ это мѣсто очень темнымъ. Можетъ быть, говорить онъ въ примѣчаніяхъ къ переводу графа Мусина-Пушкина, — основанное на догадкѣ переложеніе сихъ

¹⁾ Г. Тихонравовъ думаетъ, что жалощами творит. пад. при имен. жалоща. По нашему, это творит. пад. отъ слова жалоць, ср. польск. żalóć. Здѣсь польскіе звуки ж и с передамы посредствомъ знака щ. Жалоць польская форма, жалость — русская.

словъ и справедливо, но разобрать и истолковать ихъ трудно. По мнѣнію Пожарскаго слова: „Спала князю умъ похоти“, означаютъ: „вспали князю на мысль похоти или страстныя, сильныя, непреоборимыя желанія испытать Дону великаго“. Слово жалость онъ принимаетъ въ смыслѣ ревность, рвеніе: „и рвеніе искусить Дону великаго уничтожило предзнаменованіе“. Первая попытка исправить это мѣсто принадлежить Ганкѣ; онъ читалъ вмѣсто спала—спяла. Вельтманъ въ примѣчаніяхъ ко 2-му изданію говоритъ слѣдующее: „Совершенно не понятно; но измѣните похоти въ похыти, жалость въ жадость—т. е. жажду; спала въ опала — пылкость, горячность, гнѣвъ, — и смыслъ возстановится: опала князю умъ похыти а жадость искусити Дону великаго ему знаменіе заступи. Могло однако же существовать и слово спала — пыль, пылкость“. Мей также того мнѣнія, что спала одного корня съ опаломъ, съ пыломъ и значила пылкость; онъ переводитъ это мѣсто такъ: „пылкость овладѣла умомъ князя и жаль ему, что знаменіе неба препятствуетъ—искусити Дону великаго“. Похотѣ—по его мнѣнію, прошедшее время отъ неизвѣстнаго глагола, на который указываетъ малорусское сковать — спрятать, прикрыть, охватить, похитить. Биципъ (Павловъ), находя догадку Вельтмана, что слѣдуетъ читать вмѣсто похоти—похыте (sic)—возможною, высказываетъ предположеніе не написано ли „спала“ вмѣсто „слава“. Грамматикъ вмѣсто спала читалъ спали (въ значеніи вспали, запали) князю на умъ похоти (желанія). Г. Тихонравовъ въ 1-мъ изданіи читаетъ: спалъ князю умъ похоти и переводитъ: „заснулъ у князя умъ (мысль) о своей жепѣ“. Во 2-мъ изданіи похоти напечатано слитно безъ всякихъ поясненій. Кн. Вяземскій говоритъ слѣдующее: „Кажется, нѣтъ примѣровъ, позволяющихъ предполагать, чтобы „умъ“ было здѣсь именительнымъ падежомъ ж. р. въ значеніи мысль. Въ этомъ случаѣ „похоти“ родительный падежъ. Принятіе слова „похоти“ за именительный падежъ также не имѣетъ подтвержденія въ древнихъ славянскихъ и русскихъ памятникахъ; извѣстно только одно слово мати, оканчивающееся въ именительномъ падежѣ единственнаго числа на и, и въ чешскомъ языкѣ, кромѣ „мати“, слово „хоти“. Это окончаніе на и, кромѣ словъ мати и хоти, совершенно утратилось въ славянскихъ языкахъ ¹⁾).

¹⁾ Кн. Вяземскій, очевидно, считалъ лишнимъ подвергнуть допросу польскій языкъ, а то онъ не сталъ бы утверждать, что окончаніе на и совершенно утратилось въ славянскихъ языкахъ. Уважемъ здѣсь на польскія слова: *rani, ochmistrzyni, gospodaruni*.

Но есть другое объясненіе слову похоти, по которому настоящую фразу пѣсни должно читать такъ: „спала князю умъ по хоти“, что означаетъ воспоминаніе Игоря о супругѣ его. По сему объясненію „спала князю умъ похоти“, выражаетъ, что князь при видѣ знаменія хоти и вспомнилъ (спала умъ) о женѣ своей (по хоти), но сильное желаніе ознаменовать побѣду на Дону заступило ему знаменіе. Это объясненіе—замѣчаетъ князь Вяземскій—весьма основательно, ибо вполне согласуясь съ правилами словенской грамматики, оно совершенно согласно съ душевными наклонностями человѣка. Но это объясненіе, по видимому, не удовлетворило и самого князя Вяземскаго, такъ какъ онъ нѣсколькими строками ниже читаетъ то же самое мѣсто такъ: „спала князю (на) умъ по хоти (о женѣ)—и жалость искусити Дону великаго ему знаменіе заступи“. Въ Изслѣдованіи о вариантахъ удержано первое чтеніе.

Г. Всев. Миллеръ отвергая чтеніе и толкованіе г. Тихонравова и кн. Вяземскаго, предлагаетъ свое: спала (или впала) князю у умъ похоть. Основанія такого чтенія имъ приводятся слѣдующія: начальное *s* можетъ быть, издателями было принято вмѣсто *v*; при умъ пропущенъ предлогъ, какъ это часто имѣетъ мѣсто въ Ипатьевской лѣтописи, похоти вмѣсто похоть явилось подъ влияніемъ слѣдующаго и. Г. А. Майковъ, принимая чтеніе Мусина-Пушкина, предлагаетъ такое объясненіе: спала то-есть, охватила, древне-чешское *spadností* (?); похоть—страсть, жалость—рвеніе. Максимовичъ, вставляя „на“ передъ умъ, читаетъ слѣдующимъ образомъ: „спала князю на умъ похоти искусити Дону великаго, то-есть, запада въ умъ князя охота отвѣдать великаго Дону; и тоска пересилила въ немъ знаменіе неба“. Г. Потемкинъ читаетъ: успала к'нязю у умъ похоть (и жялость іему знаменіе заступи) искусити Дону великаго. По его мнѣнію, въ первоначальной рукописи могло стоять: „Дону спала князю умъ похотни жалость“ въ смыслѣ: Дону. Успала князю у умъ похоть (трехсложно) и жалость. Поправку Дону. Успала вмѣсто Дону. Спала онъ считаетъ возможною въ виду такихъ примѣровъ какъ: Иде Угры вмѣсто: Иде у Угры и т. д. „Похоти и“ вмѣсто „похоть и“, есть по его мнѣнію, не описка, а выраженіе правила. „Автору или переписчику, жившему не позже XIV в., конечно не слышалось, какъ гласная составляющая слогъ и сливающаяся съ слѣдующимъ и въ долгое и герспет. ни. Похоть (желаніе) и жалость синонимы. Выраженіе, поставленное въ скобкахъ (и жялость іему знаменіе заступи), прерываетъ грамматическую связь между похоть и искусити Дону и имѣетъ видъ маргинальной замѣтки,

не у мѣста поставленной авторомъ или переписчикомъ". Г. Прозоровскій, удержавъ чтеніе Мусина-Пушкина, переводитъ: Овлаждѣло умомъ князя увлеченіе, и знаменіе загордилось отъ него нетерпѣніемъ отвѣдать Дону великаго. Въ оправдательныхъ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту читаемъ: „спала умъ=вспало на умъ; похоти=желаніе, влеченіе; жалость=отъ жаль=сѣтованіе: „како жаль ми бяшешъ на Игоря, тако нынѣ жалую по Игорѣ“ — „не жаль ми есть за свою злобу пріяти нужная вся“. Въ поэмѣ словомъ „жалость“ выражено страстное нетерпѣніе“.

Не смотря на такое обиліе поправокъ, толкованій и объясненій даннаго отрывка, онъ по прежнему является мѣстомъ темнымъ и неудобопонятнымъ. Г. Прозоровскій, издавшій Слово о Полку Игоревѣ въ 1881 г., счелъ за лучшее принять чтеніе Мусина-Пушкина и тѣмъ самымъ произнесъ приговоръ надъ работою своихъ предшественниковъ. Мы не станемъ входить въ критическую оцѣнку каждаго изъ приведенныхъ мнѣній, частью потому что они взаимно себя опровергаютъ, частью же и потому, что предлагаемое нами чтеніе само является лучшимъ, по нашему мнѣнію, ихъ опроверженіемъ. Здѣсь мы должны сдѣлать одно замѣчаніе. Хотя и наше чтеніе близко подходитъ къ чтенію Вельмана и совпадаетъ съ чтеніемъ Вельмана и Бишна, тѣмъ не менѣе мы пришли къ нему вполнѣ самостоятельно еще въ то время, когда у насъ было въ рукахъ лишь первое изданіе г. Тихонравова. Съ мнѣніями двухъ названныхъ изслѣдователей, какъ и съ мнѣніями другихъ толкователей Слова, мы познакомились лишь тогда, когда рѣшились напечатать наши чтенія и толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ Пѣсни.

И такъ, приведенное мѣсто мы читаемъ такъ: Слава влязю умъ похыти и жадость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго. Постараемся теперь подкрѣпить наше чтеніе доказательствами. По нашему мнѣнію, слово спала прочли невѣрно, хотя оно и правильно могло быть написано въ рукописи. Дѣло объясняется просто если допустить слѣдующее написаніе слова слава—С^аа. При чтеніи этого слова произошли слѣдующія ошибки: 1) Графъ Мусинъ-Пушкинъ знакъ □ (в) принялъ за п, не замѣтивъ нижней горизонтальной черточки, что очень возможно, въ виду сходства въ начертаніи этихъ двухъ знаковъ. Вспомнимъ при этомъ, что тотъ же Мусинъ-Пушкинъ вмѣсто авва прочелъ апа, то-есть, и въ этомъ словѣ □ (в) принялъ за п. Ниже мы увидимъ, что и въ другомъ мѣстѣ онъ сдѣлалъ такую же ошибку, а въ третьемъ—аналогичную съ нею. 2) Надстрочный слогъ ла вмѣсто того, чтобы поставить между с и

□ (в), онъ поставилъ его послѣ а и прочелъ—спала. Спрашивается теперь: есть ли основаніе допускать возможность существованія указаннаго нами написанія слова слава? Въ видахъ подтвержденія нашей мысли мы приведемъ нѣсколько аналогичныхъ примѣровъ, извлеченныхъ нами изъ труда А. Θ. Вычкова: „Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библиотеки“¹⁾, при чемъ не станемъ указывать страницъ, такъ какъ всякій желающій найдетъ въ немъ цѣлыя сотни подобныхъ примѣровъ. Заимѣтимъ здѣсь только, что въ названномъ трудѣ г. Вычкова описаны рукописные сборники съ XVI по XVIII в. Вотъ нѣсколько примѣровъ: с Леш"тѣа чю"тво"ца взали раку золотую вѣсо" по' ѿ пу"; мѣропо"та; ве"коа; во"ю; ви"нѣа; худо"ства; Ое"ровнича; по"бити"; ра"сти; пло"вѣтаа, жа"сти; архистра"га; чю"са и т. д.

Послѣ всего сказаннаго, вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ читать слово спала, мы считаемъ поконченнымъ. Это не спѣла, спала (вспала), успала, спали опала и т. д., а просто на просто—слава.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ обратить вниманіе людей науки на написаніе этого слова. Для насъ такое написаніе (сѣла) имѣетъ несравненно большее значеніе въ дѣлѣ опредѣленія древности рукописи, чѣмъ всѣ показанія „очевидцевъ“ и всѣ соображенія и доказательства, которыми иные изъ изслѣдователей стараются подкрѣпить взглядъ этихъ компетентныхъ и правдивыхъ свидѣтелей.

Теперь обратимся къ слову „похоти“. Было ли это мѣсто испорчено въ рукописи, или же первые издатели, невѣрно прочитавъ слово спала и, вслѣдствіе того, не понявъ смысла разсматриваемаго нами мѣста, сами его подправили,—рѣшить трудно. Несомнѣнно однако то, что въ силу логической необходимости слѣдуетъ читать не похоти, а похити. Впрочемъ не только одно это заставляетъ насъ сдѣлать такую поправку. Въ Словѣ находятся мѣста, которыя, такъ-сказать, прямо наталкиваютъ насъ на нее. Возьмите хоть слѣдующее мѣсто: „переднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ“. Здѣсь олицетворенная слава является объектомъ дѣйствія другихъ, иъ нашемъ же отрывкѣ она выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ, покидаетъ у князя умъ, разумъ, рассудокъ. Укажемъ еще на два аналогичные мѣста: „Бориса Вячеславича слава на судъ приведе“ и „Уже княже, туга умъ полонила“. Намъ кажется, что сказаннаго вполне доста-

¹⁾ Выпускъ I. Петербургъ. 1878 г. Часть I. Петербургъ. 1882 г.
часть соххх. отд. 2.

точно, чтобы придти къ заключенію, что слѣдуетъ читать не похоти или похоть, а похыти, тѣмъ болѣе, что только при такомъ чтеніи получается вполне ясный и непринужденный смыслъ.

Обратимся наконецъ къ слову „жалость“. Какъ уже было сказано выше, мы читаемъ не жалость, а жадость. Ошибка первыхъ издателей, (допуская, что слово это въ рукописи было правильно написано), вполне сдѣлается понятною, если обратить вниманіе на сходство въ написаніи знаковъ Λ и Δ ; здѣсь могло имѣть мѣсто то, что случилось со знакомъ \square въ словѣ слава, то-есть, горизонтальная черточка осталась не замѣченной. Впрочемъ, если даже она и обратила на себя вниманіе первыхъ издателей, то и тогда они могли напечатать жалость вмѣсто непонятнаго для нихъ жадость, предполагая здѣсь ошибку переписчика. Слово жадость одного корня съ древн. болг. гл. жадати и тожественно съ чешск. *žádot* польск. *żądza*)—страсть, сильное желаніе.

Если принять нашу поправку, то не будетъ уже надобности навязывать слову жалость такіа значенія, какнхъ оно не имѣло да и не имѣеть ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій. Тѣ ссылки на древніе памятники русской литературы, которыя дѣлались въ видахъ уясненія этого мѣста, совершенно не идутъ къ дѣлу и положительно ничего не объясняютъ.

И такъ мы читаемъ: „Слава князю умъ похыти и жадость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго“. При такомъ исправленіи текста врядъ ли можно считать слова: „и жадость ему знаменіе заступи“ маргинальною замѣткой, не у мѣста поставленною авторомъ ими переписчикомъ.

Влѣци грозу въ срожать по яругамъ.

Пожарскій первый исправилъ это мѣсто и сталъ читать въсрожать вмѣсто въ срожать; онъ же указалъ на польскій глаголь *zrożuc*, замѣтивъ, что онъ означаетъ дѣлать жестокимъ, суровымъ. Чтеніе это принято большинствомъ издателей и толкователей Слова, хотя и значеніе глагола въсрожать не вполне было для нихъ ясно. Гедеоновъ, въ своемъ сочиненіи „Варяги и Русь“ (I, 328) ¹⁾,

¹⁾ Хотя Гедеоновъ, въ названномъ сочиненіи посвятилъ объясненію Слова о П. Иг. цѣлыхъ 10 страницъ, тѣмъ не менѣе имя его не названо ни г. Смирновымъ, ни г. Андріевскимъ, ни наконецъ г. Ждановымъ.

сближаетъ въсрожать съ чешскимъ sřzeti (?) saevire, tobem, vzrati—stridere шумѣть, ярится. Но сопоставленія его не удачны, а значенія указанныхъ чешскихъ словъ опредѣлены не точно или даже просто невѣрно. Слово гроза онъ сопоставляетъ въ чешскихъ hrůza—hrogor.

Г. В. Мюллеръ въсрожать считаетъ опискою вмѣсто въсгрожать. Поправку эту слѣдуетъ отвергнуть и какъ излишнюю, и какъ не находящую себѣ оправданія въ древнихъ памятникахъ.

Въ послѣднее время г. Потебня выступилъ съ новою поправкою: вм. въсрожать, онъ читаетъ въсрашаютъ, а слово гроза приписываетъ въ томъ же значеніи, что и Геденовъ. Ж вмѣсто ш—говоритъ онъ—поставлено переписчикомъ или первыми издателями и въ пардуже=пардуше; наоборотъ щ вмѣсто ж въ роспущени = роспужени. Въ основательности этихъ соображеній мы позволимъ себѣ усомниться. Прежде всего мы отказываемся понять, почему притязательное отъ лисица (польское lis)—лисій, а отъ пардусъ—пардушій. Вовторыхъ, любопытно узнать, къмъ доказано что вмѣсто „роспущени“ слѣдуетъ читать „роспужени“? Что значить „рщи лебеди роспужени“? И такъ, въ силу всего сказаннаго, мы считаемъ смѣшеніе знаковъ ж и ш въ приведенныхъ г. Потебней примѣрахъ дѣломъ не доказаннымъ, и потому и въ глаголѣ въсрожать не считаемъ себя въ правѣ читать ш вмѣсто ж (по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ представлены болѣе убѣдительныя соображенія, чѣмъ тѣ, которыми обставляетъ свою поправку г. Потебня). По поводу того же слова читаемъ еще слѣдующее (стр. 31 и 32): „Въс(с)рашаютъ, или, судя по о въ въсрожать, съ полногласіемъ: въсорошаютъ... Въсрашати, въсорошнвати, подымать дыбомъ волосы; въсорошенъ (рус. ф.), въсорошенный (Востоковъ, Слов. Церк.-Слав.): аще оуслышати яко створиля ꙗси вещь, ꙗси нꙗси створиля, не въсорошися ни роужися, съ чѣмъ сравни подобное значеніе велико-русское: ерохонитися; ср, сръхъкъ (Mikl. Lex)“. Все это такъ, но дѣло въ томъ, что все сказанное г. Потебней по поводу сдѣланной имъ поправки, не объясняетъ намъ, почему слѣдуетъ читать въсрашивать, а нельзя прочесть въсрожать, какъ напечатано первыми издателями. Форма въсорошися существовала въ русскомъ языкѣ; но можно ли изъ этого заключить, что формы въсорожися, въсорожать, а въ нашемъ памятникѣ въсрожать, не возможны? Намъ кажется, что утверждать нѣчто подобное врядъ ли возможно, особенно если

принять во вниманіе польскій глаголъ *zgrożyc*, прилагательное *zgrożony* (жестокой); но въ такомъ случаѣ, какая надобность читать въсраши-нають вмѣсто въсрожать? Возможность существованія формы въсрожать въ подлинникѣ мотивирована нами выше, когда мы говорили о языкѣ Слова. Здѣсь мы ограничимся лишь выясненіемъ значенія этого глагола въ его родной средѣ. Глаголъ *zgrożyc* употребляется си мѣстоименіемъ *się* (ся) и безъ него: 1) *Nie zgrożaj, choć się los zgroży* пагрожу!; *burza się zgroży*—бура свирѣпствуетъ, бушуетъ 2) *Lew grzywe pastrzył*—левъ гриву взерошилъ, поднялъ дыбомъ. Въ этомъ послѣднемъ значеніи и употребленъ глаголъ въсрожать въ нашемъ намятникѣ. Что касается формы въсорошися, то она, по всей вѣроятности, явилась вслѣдствіе затемнѣнія этимологіи этого слова въ сознаниіи говорящаго.

И такъ, поправку г. Потебни слѣдуетъ признать и излишнею, и ничѣмъ не доказанною. Точно также мы находимъ неудачнымъ и сдѣланный имъ переводъ. Слова „вльци грозу въсрожать“ переведены: „волки взерошиваютъ страхъ (грозу) по ярамъ, то-есть во емъ возбуждаютъ ужасъ“. Какъ я уже выше замѣтилъ, слово гроза посредствомъ слова страхъ переводилъ еще покойный Геденовъ, отождествляя его съ чешскимъ *hrůza*. У Геденова однако подобный промахъ понятенъ. Онъ слишкомъ увлекся своею теоріей о вендскомъ происхожденіи первыхъ Русскихъ князей, и желая доказать присутствіе западно-славянскихъ элементовъ въ древней русской письменности, часто дѣлалъ въ высшей степени неудачныя сопоставленія на ряду съ очень основательными. Но ради чего понадобилось г. Потебнѣ навязывать слову гроза другое значеніе, чѣмъ то, какое оно имѣетъ въ современномъ русскомъ языкѣ? По нашему, слово гроза употреблено здѣсь въ томъ же значеніи, въ какомъ оно употребляется въ современномъ русскомъ языкѣ: вльци грозу въсрожать, значить—волки поднимаютъ бурю. Что въ повѣрьяхъ о медвѣдѣ и сказаніяхъ о громовникѣ много общаго, это общеизвѣстный фактъ. Мало того, громовникъ даже прямо отождествляется съ медвѣдемъ; такъ напримѣръ, Русскіе въ Карпатахъ, когда видятъ грозовыя тучи на горахъ, говорятъ: медвѣдъ пиво варить. Съ другой стороны, извѣстно и то, что имена волка и медвѣдя смѣшиваются: во многихъ мѣстностяхъ Россіи областное для волка—бирюкъ, а въ Симбирской, напримѣръ, губерніи, бирюкомъ называютъ медвѣдя. Въ силу этого мы находимъ возможнымъ допустить, что и волкъ въ

народныхъ повѣрьяхъ отождествляется съ громовникомъ, а потому переводить: волки грозу (бурю) поднимаютъ по яругамъ ¹⁾.

Длго. Ночь мркнетъ. Заря свѣтъ запала.

„Длго. Ночь мркнетъ“. Пожарскій первый прочелъ „Длго ночь мркнетъ“, и эта поправка принята всѣми. „Заря свѣтъ запала“. Мушинъ-Пушкинъ переводилъ: свѣтъ зари погасаетъ; Пожарскій: зари свѣтомъ не является; Грамматинъ: свѣтлая зари пропала. Онъ принимаетъ свѣтъ за эпитетъ зари. Мнѣніе Грамматина раздѣляютъ Тихонравовъ (заря—свѣтъ запала), Вельманъ (заря—свѣтъ потухаетъ), Бицынъ (заря—свѣтъ запропала), Максимовичъ (заря—свѣтъ запала; изд. 1879 г.); Прозоровскій переводитъ: свѣтъ померкъ съ зарею, и поясняетъ: „запала“ = собственно съ собою унесла. Г. Майковъ первый (если не считать Пожарскаго) обратилъ вниманіе на то, что неправильно картину: „Длго ночь мркнетъ. Заря свѣтъ запала“ принимаютъ за изображеніе ночи. „По моему“, говоритъ онъ,—„это раннее утро. Померкнуть—говоря о чемъ-нибудь блестящемъ, значитъ угаснуть, но вмѣстѣ съ тѣмъ, значитъ и потерять свой цвѣтъ, погаснуть, поблѣднѣть, словомъ въ обоихъ случаяхъ выражать убыль, ущербъ. Слѣдовательно, „ночь меркнетъ“ значитъ, что ночь убываетъ, блѣднѣетъ, то-есть, стало свѣтатъ. Заря—свѣтъ запала переводятъ: зари медлитъ; по моему, напротивъ, занялась, какъ мы говоримъ лучъ запалъ въ этотъ мракъ. Мгла поля покрыла — поднялся утренній туманъ (ниже обѣсися синѣ мглѣ). Щекотъ славій успе: Соловьи поютъ только ночью — тутъ же май мѣсяць, а къ утру перестаютъ, галки же пробудились: все это признаки раннего утра“ (Заря 1870 г. № 1, стр. 132).

Г. Всеволодъ Миллеръ первый рѣшился предложить поправку и прочелъ запала вмѣсто запала, то-есть, зари задержала разсвѣтъ; по поправку его мы должны признать неудачною, ибо не возможно сказать что зари задерживаетъ разсвѣтъ. Ссылка на параллельное мѣсто Слова: „Кровавныя зори свѣтъ повѣдаютъ“ не только не подтверждаетъ мнѣнія г. В. Миллера, но на оборотъ опровергаетъ его: Зори

¹⁾ Сравни польское *jaruga* — *loqua, barra palus, stagnum: pobili nieprzyjaciół, że miazę w błota z jarugi. Dolineę, między temi co leży górami, Błotniste przedtym kryły błota jarugamъ (Linde). Jaruga — błoto rzadkie deszczowe (Kolb. Lud. Seryja VIII str. 308).*

повѣдаютъ (возвѣщаютъ), а не задерживаютъ разсвѣтъ. Вторая поправка принадлежитъ г. Потебнѣ. вмѣсто: заря свѣтъ запала, онъ читаетъ: заря свѣтъ повѣдаетъ. При такой поправкѣ данное мѣсто конечно, не допускаетъ различныхъ толкованій и имѣетъ вполне ясный и опредѣленный смыслъ; но вопросъ въ томъ: существуетъ ли необходимость допустить здѣсь предполагаемое г. Потебней искаженіе текста? А если да, то въ такомъ случаѣ вмѣсто замѣны одного слова другимъ, не будетъ ли цѣлесообразнѣе сдѣлать поправку въ самомъ словѣ запала? Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ, мы приведемъ замѣчаніе г. Потебни, на нашъ взглядъ вполне основательное, что „заря отличается отъ свѣта, какъ малороссійское ні свѣтъ ни заря, то-есть, не только до (полнаго дневнаго) свѣта, но и до пробрезга“. Г. Смирновъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ, находя, что какъ въ малорусскомъ, такъ и въ великорусскомъ, ни свѣтъ, ни заря—синонимическія выраженія, какъ и въ слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

На зарѣ, зарѣ утренней
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго
На восходѣ красна солнышка.

По нашему мнѣнію, этотъ примѣръ не только не опровергаетъ мнѣнія г. Потебни, но на оборотъ подтверждаетъ его. Пока г. Смирновъ не докажетъ, что заря и восходъ солнца синонимы, до тѣхъ поръ мы будемъ различать зарю отъ разсвѣта, какъ различаемъ разсвѣтъ (свѣтъ) отъ восхода солнца.

Вернемся теперь къ чтенію г. Потебни. Необходима ли вообще здѣсь поправка, или существуетъ возможность объяснить данное мѣсто, удержавъ чтеніе первыхъ издателей? Если „свѣтъ“ въ данномъ мѣстѣ значитъ зарю, а это предположеніе опровергнуть довольно трудно въ виду указаннаго г. Тихонравовымъ примѣра изъ былинъ: Свѣтъ-зорюшка просвѣтилась¹⁾,—то никакой поправки здѣсь не нужно мѣсто вполне понятно, и смыслъ его не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Какъ это ни можетъ показаться страннымъ, что вполне не испорченное мѣсто могло быть отнесено къ разряду темныхъ и вызвать разныя толкованія и даже поправки, а тѣмъ не менѣе фактъ на лицо.

Въ польскомъ языкѣ есть глаголъ *rajać* настоящаго времени *raja*, прошедшаго *rajał*—горѣть, пылать; къ предлогомъ *za*—*zarajać*,

¹⁾ Слово о Полю Игоревѣ стр. 31. Изд. 2-е. Москва, 1868.

загорѣться, возгорѣться, запылать. Запала Слова о Полку Игоревѣ и есть глаголъ *zapałac*, поставленный въ 3-мъ лицѣ аориста. Заря свѣтъ запала, значить: заря — свѣтъ загорѣлась, занялась, запылала, точь въ точь какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ изъ былинъ: Свѣтъ-зорюшка просвѣтилась. При чемъ же тутъ останутся всѣ поправки и толкованія? Да и чѣмъ объяснить, что мѣста, отнесенныя къ разряду темныхъ и испорченныхъ, находятъ себѣ не принужденное объясненіе въ польскомъ языкѣ? Или это слѣпой случай? Но вѣдь приведенное слово не есть единичный примѣръ; мы уже указали на нѣкоторые, на другіе укажемъ ниже, не касаясь тѣхъ, которые уже объяснены тоже не безъ содѣйствія польскаго языка, если даже оставить въ сторонѣ малорусское нарѣчіе. Впрочемъ должно замѣтить, что палати употреблено однажды (нодъ 6582 г.) въ Лаврентьевскомъ спискѣ: И нача палати пламень утлизнами; оному же нечимъ заложити и т. д. Но въ первыхъ, единичный примѣръ ничего не доказываетъ, а въ вторыхъ, не извѣстно еще, откуда было родомъ лицо, написавшее эти слова. Вѣдь и въ языкѣ Владиміра Мономаха попадаютъ полонизмы, замѣтите при этомъ: палати польское *pałac*, утлизна польское *wałtu*, чешское *útlý*; пламень польское *plomień*, чешское *plamen*. Прежде, чѣмъ покончить съ глаголомъ палати, мы скажемъ еще одно.

Ту ся саблямъ потручати о шеломи Половецкыя, на рѣцѣ на Калялѣ, у Дону великаго.

Глаголъ потручати переводили различно, по догадкѣ. Пожарскій: потрескаться; Мусинъ-Пушкинъ: притупиться; Грамматинъ: погремѣть, при чемъ онъ указываетъ на глаголъ трещать; Вельтманъ предполагалъ здѣсь описку и указывалъ на сербское *potrgatisе* (!); Дубенскій для объясненія этого глагола приводилъ слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи: „Новгородци мира не даша и стояша три дни и три ночи волость труче, села великая пожгоша“. Князь Вяземскій указывалъ на выраженія: „тروطи траву — *absumere*; трутити — *laedere*; стротуть — *eversio*, сверженіе, разореніе; трядъ — *custodia*, агмень; тратень и трутень, въ смыслѣ мироѣда и т. д. Г. Майковъ переводилъ: потупиться; г. Малашевъ указывалъ на народное выраженіе: натрути руку = натереть руку.

Первый Гедеоновъ обратился за объясненіемъ этого мѣста къ польскому языку, но сдѣланныя имъ сопоставленія также неудачны, какъ и вышеприведенныя. Онъ указываетъ на польск. *potrzusk* (?) —

шумъ, стукъ; *trzaskać* — гремятъ (Варяги и Русь I, 329). Пригѣру Гедеонова послѣдовалъ г. Потемна. Онъ говоритъ: Потручати, ударяться, болѣе длительная форма при -трутити, польское *trącić*. И такъ, послѣ безплодныхъ поисковъ и въ области древнихъ памятниковъ, и въ области живаго русскаго языка, наконецъ обратились за объясненіемъ глагола *потручати* туда, куда слѣдовало обратиться давно.

Въ польскомъ языкѣ есть глаголъ *trącić* и болѣе длительная его форма — *trącać*; съ предлогомъ *po* — *potrącać* = *потручати*. Оба они употребляются съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *się* (ся) и безъ него. *Trącać* употребляется въ различныхъ значеніяхъ: *trącać gruszkę* — сбивать груши (съ дерева), *trącać kogo* — толкать кого-нибудь; *potrącić*, *potrącać o coś* — коснуться, касаться чего-нибудь; *potrącić o stoł* — задѣть столъ; *trącać się kieliszkami* — чокаться и т. д.

Не рѣшая вопроса о томъ, въ какомъ изъ приведенныхъ значеній употребленъ глаголъ *потручати*, мы позволимъ себѣ высказать слѣдующее соображеніе: Немного ниже битва уподобляется пирю, попойкѣ: „Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрїи Русичи: сваты попиша, а сами полегоша за землю Русскую“. Въ приведенномъ отрывкѣ битва уподобляется пирю, кровь—вину, побѣдители—званнымъ гостямъ, побѣжденные — задавшими пиръ. Въ виду этого нельзя ли предположить, что и въ нашемъ отрывкѣ авторъ Слова о Полку Игоревѣ удары мечей о племы уподобляетъ стучу, чоканію бокаловъ? Въ этомъ ли смыслѣ слѣдуетъ понимать слова: „ту ся саблямъ потручати о шеломы Половецкыя“, или же въ другомъ, сущность дѣла отъ этого не измѣнится. Останется все-таки на лицо фактъ, что данное мѣсто можно истолковать лишь при содѣйствїи польскаго языка. Глаголъ *потручати*, хотя и принялъ русскій обликъ, тѣмъ не менѣе составляетъ достояніе одного польскаго языка — и въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій его нѣтъ, — а въ Словѣ о Полку Игоревѣ онъ появился въ силу той причины, на которую мы указали еще въ началѣ нашей статьи. Обратимъ здѣсь, при случаѣ, вниманіе и на то, что мѣстоименіе *ся* въ данномъ мѣстѣ Слова и въ нѣкоторыхъ другихъ употребляется отдѣльно отъ глагола, какъ и въ польскомъ языкѣ.

Кая раны дорога братіе, забывъ чти.....

Грамматикъ поправилъ: „кыя раны дороги, братіе, забывъ чти“.... въ значенїи: всякая рана нипочемъ тому, кто забылъ.... Въ этомъ же

смыслъ понимаетъ данное мѣсто и г. Потебня, только онъ, вмѣсто множественнаго числа ставить единственное— „кая рана дорога, братіе, забывъ“ ... Чтеніе г. Потебни принялъ г. Огоновскій (Хрестоматія Старорусска, Л. 1881 г.). Эрбенъ рана исправилъ на „ратъ“— „кая ратъ дорога, братіе, забывъ“ ... и перевелъ: какой это, братья, дорогой бой, что ради чего забылъ честь... (jaký to, bratří dráhú boj, že (ргоћ) zapomelú stí....). Гаттала поправилъ: кая ранъ дорѳга“ (via) =какая это дорѳга ранъ, прибавивъ для объясненія: по которой стремится Всеволодъ (jaká té to dráha ran, kterou kráčí Vše Vlad). Г. Барсовъ поправляетъ дорога на друга, то-есть, какихъ нужно другихъ ранъ или жертвъ. Г. В. Миллеръ читаетъ и понимаетъ это мѣсто такъ: „кая причастіе въ именительномъ падежѣ, единственнаго числа муж. рода, относящееся къ Всеволоду точно также какъ и „забивъ“; раны винит. п., множ. числа; дорога братіе— дорогіи братья, обращеніе къ слушателямъ“. По поводу толкованія г. В. Миллера, г. Потебни замѣчаетъ: „Стало быть, Всеволодъ оплакиваетъ раны Игоря въ то время, какъ „поскочаще“. Время для этого онъ выбралъ неудобное, не говоря уже о грамматическихъ затрудненіяхъ. Предыдущій періодъ, къ которому, по предположенію, должно тяготѣть „кая“, совершенно замкнуть звательными падежами. Если же кая послѣ точки, и если оно есть причастіе, то періодъ: кая раны дорога братіе забывъ чти и живота и т. д.—безъ полнаго сказуемаго“.

Г. Прозоровскій думаетъ, что послѣ братіе пропущены слова: „тъи бо“ и переводитъ: Какія раны, братцы, дороже его ранъ? Вѣдь онъ забылъ и т. д. По поводу этого чтенія и толкованія можно замѣтить что они ни мало не уясняютъ смыслъ даннаго мѣста; переводъ же отличается крайнею произвольностью. Текстъ, исправленный г. Прозоровскимъ, гласитъ: „кыя раны дорога, братіе, тѣй бо забывъ чти“, а въ переводѣ вмѣсто положит. степени (дорога) поставлена сравнительная (дороже), вмѣсто забывъ—изъявительное наклоненіе. Если такъ обращаться съ текстомъ, то всякое мѣсто, даже безъ поправокъ, дастъ какой угодно смыслъ. Замѣтимъ еще, что, не смотря на эти натяжки, данное мѣсто даже въ переводѣ г. Прозоровскаго возбуждаетъ недоумѣніе. Про какія это раны Всеволода здѣсь идетъ рѣчь? Вѣдь нельзя же назвать ранами, что князь этотъ, въ плу сраженіи, забылъ про Черниговскій золотой столъ, про свою жену и т. д. Поправка Эрбена также не достигаетъ цѣли, ибо фраза „кая ратъ дорога, братіе, забывъ чти и живота“ и т. д. въ сущности не имѣетъ смысла. О чтеніи Гатталы и говорить нечего. Остается еще толко-

ваніе г. Потемни (и Грамматина). Онъ переводитъ: всякая рана ни по чемъ тому, кто забылъ.... Насъ и этотъ переводъ, и связанная съ нимъ поправка не удовлетворяютъ, такъ какъ Всеволодъ, бросившись въ густые ряды Половцевъ, рисковалъ не только быть раненнымъ, но и убитымъ.

И такъ, данное мѣсто продолжаетъ оставаться не объясненнымъ. Исходя изъ того положенія, что придаточному предложенію: „забывъ чти и живота“, нельзя подобрать главнаго, а склоненъ допустить, что здѣсь есть пропускъ. Далѣе я нахожу, что слова: „кая раны, дорога братіе“, можно прочесть еще такъ: кая раны дорога братіе — забывъ чти и т. д., при чемъ слово раны принимаю въ смыслѣ — удары. Въ этомъ значеніи слово это употребляется въ чешскомъ языкѣ: *osudná rána* — роковой ударъ; *jedna rána, dvě rány* — одинъ ударъ, два удара. „Дорога братіе“ — обращеніе къ слушателямъ¹⁾. Сообразно съ этимъ толкованіемъ, смыслъ этого мѣста будетъ такой: Какіе удары, дорогіе братья (наноситъ князь), забывъ.... Только при предположеніи, что здѣсь пропущено главное предложеніе, оказывается возможнымъ установить внутреннюю связь между нашимъ отрывкомъ и предыдущимъ періодомъ: „Яръ-туре Всеволодъ! стоиши на борони, прыщени на вои стрѣлами, гремлеши о шеломи мечи харалужными: камо туръ поскочыше, своимъ златымъ шеломомъ посбѣчивая, тамо лежать поганья головы половецкыя; поскепаны саблями каленными шеломи Оварьскыя отъ тебе, Яръ-Туре Всеволоде! Воскличаніе пѣвца: Вотъ, какіе удары, дорогіе братья, наноситъ князь — является въ данномъ случаѣ вполне умѣстнымъ. Впрочемъ это только догадка, которая, быть можетъ, наведетъ кого-нибудь на болѣе вѣрное чтеніе и толкованіе.

Рассушась стрѣлами по полю.

Пожарскій предложилъ неудачную поправку: рассушась — развиась. Слово рассушась встрѣчается въ Ипатьевской лѣтописи (рос-

¹⁾ Г. Тихонравовъ думаетъ, что братіе — зват. падежъ множ. числа отъ существ. братъ. Это невѣрно. Братіе — зват. падежъ но не множ., а единств. числа, и не отъ братъ, а отъ собирательнаго братья. Какъ собирательное существительное, слово это употребляется и въ польскомъ языкѣ, и въ древнихъ русскихъ памятникахъ, напримѣръ, *Klasztorna bracia zgromadzili się...* „Идите къ намъ за нашею братіею, а не то мы поидемъ къ вамъ за нашею“. Прилагательное „дорога“, согласовано здѣсь съ грамматическимъ родомъ, а не съ личнымъ, какъ и въ выше приведенныхъ примѣрахъ. Краткое же окончаніе прилагательныхъ — явленіе обыкновенное, даже преобладающее въ Словѣ; напримѣръ: чръна земля, пельць жирна, бѣла хорюговъ, чрълена чолка и т. д.

сушася); оно живетъ до сихъ поръ въ польскомъ языкѣ, если оставить въ сторонѣ возстановленіе мѣстоименія *си*, не нуждается въ никакой поправкѣ. Мы хотимъ здѣсь обратить вниманіе только на слѣдующее: Корень этого глагола не *сып*, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ, г. Огоновскій, а *-су*. Сравн. древне-чешское *po-sù-ti*.

Польское *su-ć* (сыпать) прошедшее время *su-ł*, настоящее *su-j-ę* сложное съ предлогомъ *posuć, nasuć, roz-su-ć*:

Święta Urszula perły rozsiała
Książęc wiedział, nie powiedział...

Глаголь *россушася*, или какъ вполне основательно исправлено — *разсушася* = польское *roz-su-ćsię*, и потому для насъ непонятно, почему г. Потенія счелъ нужнымъ выбросить одно *с* и читать *росушася* вмѣсто *россушася*. Здѣсь первое *с* принадлежитъ приставкѣ *роз* (вслѣдствіе ассимиляціи — съ послѣдующимъ *с* — *рос*), а второе корню. Слово это помимо лѣтописи вполне понятно съ точки зрѣнія польскаго и чешскаго языковъ, въ которыхъ оно употребляется по сію пору, особенно въ первомъ.

Тоже звонъ слыша давний великій Ярославъ сынъ Всеволожь, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.

Снегиревъ, Максимовичъ, Дубенскій, г. Тихонравовъ и друг. читаютъ: „Тоже звонъ слыша давний великій Ярославъ (Ярославль) сынъ Всеволодь, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ“. Бутковъ сдѣлалъ здѣсь перестановку словъ: „слыша Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владиміръ по вся утра“ и т. д. Такое чтеніе принимаетъ и г. Потенія, который сверхъ того „тоже“ исправилъ въ тѣже. Эту послѣднюю поправку мы находимъ вполне умѣстною, что же касается остальнаго, то принимаемъ чтеніе первой группы изслѣдователей. Постараемся поддѣржѣть наше мнѣніе кое-какими соображеніями. Г. Потенія по поводу своего чтенія говоритъ: „Олегъ только вступаетъ еще въ стремя, а (уже) этотъ (тѣ же) звонъ услышалъ великій Ярославъ (то-есть, на томъ свѣтѣ), какъ и до сихъ поръ сохраняется вѣра въ существованіе связи живыхъ съ усопшими предками и возможность передавать вѣсти на тотъ свѣтъ. Что касается до современниковъ, то сынъ Всеволодовъ Владиміръ каждое утро (какъ только проснется) уши (себѣ) затыкалъ въ Черниговѣ, потому что этого

рода слава, по известнымъ личнымъ его свойствамъ, была ему противна^а.

По нашему мнѣнію, такое толкованіе грѣшитъ натягустью. Прежде всего является вопросъ: чего ради авторъ Слова приплелъ Ярослава—къ имени Олега. Что онъ хотѣлъ сказать этимъ мнимымъ сопоставленіемъ живыхъ съ умершими? Почему именно Ярославъ слышалъ, а не Святославъ Ярославичъ отецъ Олега, или Владиміръ Святой, или какой-нибудь другой князь? А въ данномъ случаѣ Святославъ или Владиміръ Святой были бы скорѣе, пожалуй, на мѣстѣ, чѣмъ Ярославъ I. Намъ кажется, что данное мѣсто можно объяснить гораздо проще. Непосредственно передъ нашимъ отрывкомъ Олегъ уподобляется кузнецу—онъ куетъ мечемъ крамолу, а затѣмъ говорится: „тѣже звонъ слыша“; въ виду этого мы заключаемъ, что слова „тѣже звонъ“ значатъ не „звонъ славы“, какъ думаетъ г. Потебня, а „звонъ крамолы“, которую ковалъ Олегъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ намеками на историческіе факты, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Слова, а не съ какимъ-то указаніемъ на вѣру въ связь съ усопшими предками. Известно, что послѣ смерти Святослава Ярославича Всеволодъ, отецъ Владиміра Мономаха, помирился съ Изяславомъ I, уступилъ ему Кіевъ и въ замѣнъ того получилъ Черниговское княжество, отпавшее у дѣтей покойнаго князя. Но Святославичи, особенно Олегъ и Романъ Красный, князь Тмутараканскій, ни за что не хотѣли отказаться отъ лучшей части своей отчины. Соединившись съ Борисомъ Вячеславичемъ, котораго дяди лишили его отчины—Смоленска, отдавъ ее Владиміру Мономаху, Олегъ призвалъ Половецъ, напалъ на Всеволода, разбилъ его на рѣкѣ Сожицѣ и занялъ Черниговъ. На это событіе и намекаетъ авторъ Слова о Полку Игоревѣ, когда говоритъ: „тѣже звонъ слыша великий Ярославъ сынъ Всеволодъ“. Поправка къ слову Ярославъ излишня. Какъ отъ личнаго существительнаго Wroślaw прилагательное Wroślaw', такъ отъ Jagoślaw—Jarogślaw'—Ярославъ. Ярославль—русская форма, Ярославъ—вятческо-польская. Точно также и слова: „а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ намекъ на историческія событія.

Когда Изяславъ былъ убитъ на Нежатиной нивѣ, и Всеволодъ сдѣлался великимъ княземъ, то онъ отдалъ Черниговъ, только что отпавшій у Святославичей, своему сыну Владиміру Мономаху (1078 г.). Но уже въ слѣдующемъ 1079 г. Романъ Тмутараканскій и Олегъ

пытались выгнать Мономаха изъ несправедливо отнятой у нихъ отчины, но не имѣли успѣха, такъ какъ союзники ихъ Половцы, подкупленные золотомъ, покинули ихъ и безъ битвы вернулись во свояси. Мало того, на дорогѣ они убили Романа Краснаго, а Олега заточили въ Царьградъ. Вслѣдствіе того наступило временное затишье. Но лишь только Олегъ получилъ свободу, лишь только обстоятельства сложились въ его пользу—вслѣдствіе смерти Всеволода и разрыва съ Половцами при новомъ великомъ князѣ Святополкѣ II, какъ онъ вновь возобновляетъ свои притязанія на Черниговъ. „Въ томъ же лѣтѣ (6602)“—читаемъ въ начальной лѣтописи—„приде Олегъ съ Половцы изъ Тьмуторокана приде Чернигову, Володимеръ же затворися въ градъ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града и монастырѣ пожже; Володимеръ же сотвори миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отенъ Переяславлю, а Олегъ въ градъ отца своего“. На эти событія и намекаетъ, не безъ ироніи, авторъ Пѣсни словами: „а Володимеръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ“. Авторъ впрочемъ могъ имѣть въ виду и послѣдующія войны Олега съ домою Мономаха, во время которыхъ погибъ молодой Изяславъ Владиміровичъ, но мы не указываемъ на нихъ, такъ какъ въ Словѣ сказано „въ Черниговѣ“. Г. Потенія находитъ, что чтеніе Всеволожъ вмѣсто Всеволодъ *) представляетъ болѣе крупную поправку, чѣмъ принимаемая имъ перестановка: „а сынъ Всеволожъ Владиміръ“ вмѣсто „сынъ Всеволожъ а Владиміръ“; объ этомъ мы спорить не станемъ. Въ заключеніе мы скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу толкованія словъ: „по вся утра уши закладаше“. Г. Майковъ полагаетъ, что подъ словомъ уши слѣдуетъ понимать калитки по бокамъ воротъ. Мнѣніе это опровергнуто г. Потеніей. „Для меня“, говоритъ онъ,—„не вѣроятно мнѣніе, что уши означаютъ калитки по бокамъ воротъ, которыя Владиміръ почему-то закладывалъ не на ночь, когда скорѣе возможно нечаянное нападеніе, а по утрамъ“. Соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ, мы въ свою очередь находимъ, что г. Потенія невѣрно понялъ значеніе словъ „по вся утра“. По его толкованію, это значитъ: „Каждое утро (какъ только проснется)“, а на дѣлѣ это выраженіе равносильно польскому: *po wszystkie dni*.

*) Что касается е. Ярославъ, то мы показали выше, что она не нуждается въ поправкѣ.

Тогда при Ольгѣ Гориславлича сѣяшется и растяшеть усобицами.

Тогда при Ольгѣ Гориславлича... Пожарскій, Малашевъ, Максимовичъ, г. Прозоровскій и другіе перевели: „тогда при Ольгѣ Гориславичѣ“. При такомъ чтеніи данное мѣсто лишено всякаго смысла, ибо остается неизвѣстнымъ, что сѣялось и росло усобицами. Грамматикъ полагалъ, что „Гориславлича“ есть твор. над. мн. числа, и что подъ ними слѣдуетъ понимать потомковъ Рогнѣды—Гореславы, то-есть, князей Полоцкихъ. Это чтеніе принялъ и г. Майковъ. „Гориславной“—говоритъ онъ,—„Рогнѣда“, по словамъ лѣтописи, названа за то, что много горя приняла сама; Олегъ же, какъ утверждаетъ и пѣвецъ, причинилъ горе Русской землѣ. Одно прозваніе въ страдательномъ и дѣйствительномъ значеніи противно всякой логикѣ. Не возможно сказать, напримѣръ, Іовъ многострадальный и многострадальный Неронъ. Посему мѣсто это правильнѣе передать такъ: „При томъ же Олегѣ еще и Гориславличами (то-есть, отъ Гориславичей) сѣялось и растилось усобицами, губилось добро Дажьбожьихъ внуковъ“... Но при этомъ толкованіи остается неизвѣстнымъ, что сѣялось и растилось Гориславличами; затѣмъ, что тогда прикажете дѣлать со словомъ „усобицами“? Наконецъ, по справедливому замѣчанію г. Потебни, въ данномъ отрывкѣ рѣчь идетъ объ событіяхъ, связанныхъ съ Олегомъ: съ какой же стати здѣсь князя Полоцкіе?

Г. Потебня исправляетъ: „Тогда при Ольгѣ Святославлича горе сѣяшется и растяшеть усобицами: погибаетъ жизнь Дажьбожа в'нука“ и т. д. „Предполагаю“—говоритъ онъ—„что авторъ или одинъ изъ первыхъ переписчиковъ сдѣлалъ одну изъ ошибокъ, происходящихъ изъ увлеченія мысли послѣдующимъ, ошибокъ утрируемыхъ въ потѣшныхъ рѣчахъ на выворотъ, въ родѣ сестрѣвечір добрички! чи не не телятили вы мос; види? (= добрѣвечір сестрички! чи не видели вы мого теляти). Именно авторъ (или переписчикъ) написалъ істарокрѣтов при Ольгѣ Гориславлича сѣяшется вы. при Ольгѣ Святославлича горе сѣяшется“. Но для насъ и эта аргументація не убѣдительна. Прежде всего, если даже посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія г. Потебни, то и тогда мы не можемъ не замѣтить, что аналогія между нашимъ отрывкомъ и приведеннымъ г. Потебней примѣромъ далеко не полная. Въ послѣднемъ всѣ слова сохранены, а получили лишь другія окончанія и разиѣщены въ другомъ порядкѣ; въ нашемъ же отрывкѣ

первая составная часть слова Святославличи, то-есть, Свято — исчезаетъ безслѣдно. Повторныхъ, возможное въ разговорномъ языкѣ, когда говорящій шутки ради или же бессознательно коверкаетъ рѣчь, не возможно при передачѣ мыслей на письмѣ. Сдѣлавъ даже ошибку, пишущій имѣетъ возможность ее исправить, и онъ непремѣнно сдѣлаетъ это, если только серьезно относится къ своему дѣлу. По отношенію къ данному мѣсту слѣдуетъ замѣтить и то, что Олегъ ни въ Словѣ, ни въ какомъ другомъ памятникѣ не названъ Гориславlichemъ; въ Словѣ же имя его упоминается много разъ, обыкновенно безъ отчества и только въ одномъ мѣстѣ съ отчествомъ, но тамъ онъ названъ Святославlichemъ, а не Гориславlichemъ. На основаніи этого мы приходимъ къ заключенію, что прозвищемъ „Гореславичъ“ Олегъ обязанъ лишь толкователямъ Слова о Полку Игорева, и что оно въ древности не соединялось съ его именемъ. А въ такомъ случаѣ и авторъ, и переписчикъ Пѣсни не могли не замѣтить своей ошибки и вмѣстѣ съ тѣмъ оставить ее не исправленною. Втретыхъ, подобныхъ примѣровъ увлеченія мысли послѣдующимъ не представляетъ ни Слово о Полку Игоревѣ, ни даже — на сколько намъ извѣстно — вся древне-русская письменность. Еще менѣе основательна догадка г. Потебни, что въ первоначальной рукописи могло стоять: „При Ользѣ Гориславличи горе сѣяшеться“. Тутъ прежде всего мы должны снова спросить: гдѣ это Олегъ названъ Гориславlichemъ? Затѣмъ, прибавимъ къ этому еще и то, что уже давно было замѣчено г. Майковымъ: одно прозваніе въ страдательномъ и дѣйствительномъ значеніи противно всякой логикѣ. Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что слово „Гориславличи“ поставлено въ одномъ падежѣ, а „Олегъ“ въ другомъ: Тогда при Ользѣ Гориславличи. И такъ, поправки г. Потебни, какъ и всѣ выше приведенныя, должны быть отвергнуты. Мы читаемъ это мѣсто такъ: „Тогда, при Ользѣ, Гориславличи сѣяшася и растяша усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человекомъ съкратишася“ и т. д., то-есть, вмѣсто единств. числа ставимъ множественное. Мѣсто это, по всей вѣроятности, подверглось искаженію подъ перомъ невѣжественнаго переписчика, не понявшаго мысли, выраженной въ нашемъ отрывкѣ. Гореславличи (названіе для людей безталанныхъ, несчастныхъ) — подлежащее, какъ ниже: жизнь, вѣци; усобицами творит. причини. Смыслъ даннаго отрывка стало быть такой, что при Олгѣ, вслѣдствіе княжескихъ междоусобій, умножилось число людей несчастныхъ. Здѣсь замѣтимъ мимоходомъ, что слово „вѣци“ равно-

сильно польскому „wiek“ въ выраженіяхъ подобныхъ слѣдующему: w podeszłym wieku = въ преклонныхъ лѣтахъ.—

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе м'на канину зелену наполому постла, за Обиду Олгову храбра и млада князя.

Въ данномъ отрывкѣ не поддается объясненію слово „канину“. Мусинъ-Пушкинъ „на канину“ перевелъ на конскую. Пожарскій говоритъ, что канина происходитъ отъ шелковичнаго червя, называемаго по польски кани. По польски говорится kania przędza, то-есть, шелковая пряжа, и потому подъ словами „канина зелена наполома“ разумѣется шелковое зеленое покрывало. На это мы замѣтимъ, что въ польскомъ языкѣ нѣтъ слова kani въ томъ значеніи, какое ему приписываетъ Пожарскій; есть только прилагательное kani, ia, ie отъ существительнаго kania (птица) которое конечно къ дѣлу не идетъ. Что касается выраженія: Kania przędza, jedwab' polny, то оно означаетъ тупеядное растеніе, вьющееся по льну (нѣмецкое Flachselde), а не шелковую пряжу. Грамматинъ и Вельтманъ вмѣсто канину читаютъ: конину, первый въ смыслѣ конскую, второй — въ значеніи конечную, смертную, отъ слова конецъ. Но и эти чтенія не сообщаютъ ясности данному мѣсту, да и слову канина придаются невозможныя значенія. Дубенскій читаетъ: на ткань ину (то-есть, на какую?). Гаттала полагаетъ, что вмѣсто канину слѣдуетъ читать тканину. Такую поправку можно бы принять, еслибы слово tkanina (ткань) употреблялось въ значеніи ковра. Начальное *m* могло отпасть, подобно тому, какъ и въ чешскомъ языкѣ оно не слышится въ разговорѣ въ словахъ того же корня. Говорятъ, на примѣръ, kadlec вмѣсто tkadlec (ткачь); kanička вмѣсто tkanicka (тесемка). Князь Вяземскій читаетъ: „конья, конину, по произношенію велико-русскому—канину“. Максимовичъ того мнѣнія, что „канину“ здѣсь собственное имя рѣки или луга. Чтобы убѣдиться, на сколько подобное толкованіе цѣлесообразно, достаточно сравнить переводъ Максимовича съ подлинникомъ: „и на Канинскій зеленый коверъ она положила храбраго и молодаго князя“; то-есть, слава положила на коверъ князя, въ то время, какъ въ подлинникѣ говорится, что слава... наполому постла, а не Бориса Вячеславлича. Г. Малашевъ читаетъ „на каялину“ въ виду того, что ниже говорится: „съ тоя же Каяли“. Но тогда, зачѣмъ онъ читаетъ: на Каялину, а не: на Каялу? Гедеоновъ, въ названномъ выше сочиненіи, по поводу слова канина говоритъ слѣдующее: „Каня, канюхъ—полевой

коршувъ; у Чеховъ — káně; у Поляковъ kapia; капина можетъ быть тѣло обреченное на съѣденіе коршунамъ“. Несостоятельность такого толкованія очевидна. Г. Огоновскій поправилъ „на ковылу зелену“. По этому поводу г. Потебня замѣчаетъ, что обыкновенный и болѣе характеричный эпитетъ ковыли не „зеленая“, а „бѣлая“. По мнѣнію г. Верхратскаго, капина значитъ то же самое, что и греческое κάπνα, Rohr, Schilfgras. Г. Прозоровскій читаетъ „на капицу“ въ значеніи „на смертную“. Вотъ его соображенія: „Въ одной рукописи 1263 г. капищемъ называется тѣло Адама, еще не оживленное дыханіемъ; равнымъ образомъ тамъ же капью названа безжизненная фигура, кумиръ, истуканъ.... Слѣдовательно, въ поэтическомъ смыслѣ капью можно называть тѣло, трупъ, и потому выраженіе: „на капицу“ будетъ значитъ: на смертную“. По предположенію г. Потебни можно бы поправить „на конь вну, зелену...“, то-есть, „наконецъ, вную (не такую какъ прежде, не обычную, а) зеленую наполому (ему) постыла, то-есть, траву. Какъ казакъ говоритъ, что въ дорогѣ стелется мепі широкий листь та бурковина, такъ Борису слава послала необычную постель на послѣдней дорогѣ“. На это мы замѣтимъ, что эпитетъ наполомы, какъ мертвецаго покрова, не зеленая, а черная; сравн. выраженіе, употребленное ниже: „одѣвахуть мя чръною наполомою“. Во вторыхъ, въ приведенныхъ г. Потебней словахъ казака рѣчь идетъ не о смерти, какъ въ нашемъ отрывкѣ, а о дорогѣ, во время которой казаку придется ночевать подъ открытымъ небомъ, на травѣ—а это не одно и то же. Втретыхъ, какой смыслъ заключается въ словахъ: „не такую какъ прежде, необычную, а земную наполому“ ему постыла, то-есть, траву? Чему противопоставляется эта зеленая, необычная наполома? Вытъ можетъ, наполомѣ скитальца и изгоя, какимъ былъ Борисъ Вячеславичъ? Но извѣстно, что положеніе изгоя, будь онъ князь или смердъ, било крайне незавидно. Далѣе мы не можемъ ничего необычнаго усмотрѣть въ томъ, что слава на „послѣдней дорогѣ“ постыла Борису Вячеславичу траву. Мы не знаемъ, на что долженъ былъ унестъ сраженный ударомъ врага князь? Итакъ, указанная выше поправка г. Потебни должна быть признана неудачною. Это сознавалъ, по видимому, и самъ г. Потебня, такъ какъ опъ тутъ же (стр. 54) предлагаетъ другую. Въ виду чтенія Малиновскаго: казатину — говоритъ онъ — можно бы поправить: „на кровать вну; (на) зелену наполому простыла“, то-есть, простерла его.

Не смотря на эти крупныя поправки (вмѣсто конину — кровать вну; предлогъ на прибавленъ, вмѣсто постыла простыла), мы часть соххх. отд. 2.

все-таки не получаемъ отвѣта, какая была эта не „инная“ кровать, и что хотѣлъ авторъ Слова сказать противопоставленіемъ какихъ-то двухъ кроватей. Находя всѣ эти чтенія и толкованія неудачными, мы въ замѣнъ ихъ предлагаемъ нашу поправку. Чтеніе Малиновскаго казатину вмѣсто канину свидѣтельствуетъ на нашъ взглядъ, о томъ, что слово это въ рукописи было написано съ титломъ, который первые издатели не сумѣли раскрыть. Принимая его въ разчетъ при чтеніи, они получали слова или совсѣмъ, съ ихъ точки зрѣнія невозможныя, или же не идущія къ дѣлу; поэтому они предпочли оставить букву, стоящую подъ титломъ безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что начертаніе ея могло быть не вполне яснымъ. Какъ бы то ни было, мы того мнѣнія, что слово канина въ первоначальной рукописи было написано такъ: конѣину = коничину; ср. польское — *koniezuca* = дятлина, дятелина. О громадной роли, какую играла коничипа (дятслипа) въ пародной и средневѣковой поэзии, см. въ Нѣмецкомъ словарѣ братьевъ Гриммовъ подъ словомъ *Kies*; я же ограничусь здѣсь лишь приведеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ чешскихъ и словенскихъ (словацкихъ) народныхъ пѣсней, въ которыхъ переходить это слово.¹⁾

Rozsvij se v kvítí metlice,
 Že nejsem panenka více.
 A ten bílý jeteliček
 Že mám na hlavě čepček.

Erben 481, 17.

Pasla husy nade dvorem
 Sama seděla pod javorem.
 Vila věnce olivový,
 A jeteličkem, a konkoličkem proplítanu.

Erben 495, 33.

Tam já pojdem, milý, de haječka
 Tam je pekná zelená trávička.
 Potom pojdem k vašemu včelínu,
 Máte dobrú dřičnu ďatelínu.

Kol. I, 293, 4.

A na mostě tráva roste,
 Tráva ďatelína—
 Budeš moja milá, keď narosteš.

Kol. I, 293.

¹⁾ По чешски *jetel*, *jetelka* (см. *detel*); по слов. *ďatelína*.

Vila věnec ze slziček
A vplítala jeteliček.
Erben 140 № 238.

Nevím, nevím kudy cesta—
Zarostla mi trávou všecka;
Zarostla mi jetelinkou—
Bych nechodil za panenkou.
Erben 151 № 244.

Zarostla nám rozmarinkou,
Samým drobným jetelem—
To nám jistě na znamení
Že my svoji nebudem.
Erben 181 № 337.

Já jsem zabil holubičku
Na tom našem jeteličku.
Erben 479, 15.

Ach pro ten kousek jetele
Mám já opustit přátele.
Ach pro ten jetelový květ
Mám já opustit celý svět.
Erben 480, 17.

Эпитетъ коничины (дятлины)—зеленая.
Jetelka, jetelka tráva zelená.

Въ виду той большой роли, какую играла коничина (русск. дятелина, чеш. jetel, jetelka; слов. datlina, нѣм. klee) въ народной поэзи, я нахожу возможнымъ допустить, что и въ Словѣ о Полку Игоревѣ это слово могло быть употреблено, тѣмъ болѣе, что при ничтожной поправкѣ наше мѣсто получаетъ вполне ясный и непринужденный смыслъ. Вмѣсто конѣина (=коничина) переписчикъ, не понимая этого слова, въ русскомъ языкѣ не существующаго, легко могъ написать канина или даже просто канина; въ виду чтенія Малиновскаго (казатина) первое кажется намъ болѣе вѣроятнымъ.

Такимъ образомъ мы читаемъ: Бориса Вячеславлича слава на судъ приведе и на коничину зелену, наполому постла, за обиду Ольгову, храбра и млада князя. На судъ, то-есть, на поле битвы. Такія выраженія очень обычны въ лѣтописи: „пусть насъ Богъ разсудитъ“ значить—пусть битва рѣшитъ нашъ споръ. Наполома—покровъ которнй клалн на мертвецовъ. Въ Кормчей 1282 г.: врьху мртлвца простраетса два наполома. Эпитетъ наполомы черная, какъ и ниже—одѣвахуть мя чрьною наполомоу, а не зеленая какъ до сихъ поръ всѣ читали, ставя запятую послѣ слова канину. Сообразно съ этимъ

толкованіемъ данное мѣсто можно приблизительно перевести такъ: Бориса Вячеславича слава привела на поле битвы и на зеленой дятелинѣ постлала ему смертнѣй одръ (наполому), за обиду Олега, храбраго и молодаго князя.

И такъ, данное мѣсто объяснимо лишь при содѣйствіи польскаго языка. Замѣтимъ при этомъ, что слово коничина существуетъ въ одномъ польскомъ языкѣ: его нѣтъ въ чешскомъ, ни даже въ лужицкихъ нарѣчіяхъ.

Суть бо у васъ желѣзные напорзи подъ шеломи латинскими.

Папорзи г. Тихонравовъ объясняетъ: „верхняя часть брони, которую надѣвали на перси или на грудь“. Шевыревъ и Максимовичъ говорятъ, что это крылья (отъ слова; папоротокъ). По поводу этихъ поправокъ и толкованій г. Майковъ замѣчаетъ: „Въ одномъ и другомъ случаѣ предлогъ по возбуждаетъ сомнѣніе: можно ли сказать подъ шеломамъ нагрудникъ? Этакъ можно сказать, что и шпоры подъ шеломамъ; крылья тоже — какъ могутъ быть подъ шеломамъ. Очевидно, что папорзи—какая-нибудь принадлежность шелома: мнѣ кажется, что желѣзная сѣтка, прикрывающаяся къ нижней части шелома и падающая на грудь ближе всего удовлетворяетъ смыслу“. Такъ какъ поправка г. Тихонравова принята чуть ли не всѣми издателями и толкователями Слова, то мы посвятимъ ей нѣсколько словъ отъ себя лично. Намъ желательно было бы узнать, находятъ ли г. Тихонравовъ возможнымъ допустить существованіе формы папорзи на ряду съ формою паперси? Если да (въ текстѣ напечатано папорзи), то чѣмъ онъ докажетъ переходъ звуковъ *e* и *c* слова перси въ *o* и *z* въ сложномъ папорзи? Если же нѣтъ, то въ силу какихъ причинъ переписчикъ болѣе извѣстное и понятное слово паперси замѣнилъ не существующимъ въ языкѣ, да и невозможнымъ съ фонетической точки зрѣнія словомъ папорзи? Г. Потебня, очевидно, сознавая всю несостоятельность вышеприведеннаго чтенія и объясненія, предложилъ читать: прапоръци вмѣсто папорзи; при этомъ онъ указываетъ на польскія слова: *chorągwie*, *prorogse*. Въ польскомъ языкѣ слово *chorągiew* (*gwie*) дѣйствительно употребляется въ значеніи отряда войска, извѣстной численности; но слово *prorogzes*, множ. ч. *prorogse*, въ этомъ значеніи не встрѣчается. Оно значитъ или то, что русское знамя, или же равносильно русскому слову значки. Затѣмъ мы не можемъ допустить столь крупныхъ поправокъ, не по-

старавшись предварительно объяснить все дѣло на основаніи чтенія первыхъ издателей.

На нашъ взглядъ какъ здѣсь, такъ и въ словѣ слава (см. выше), гр. Мусинъ-Пушкинъ букву □ принялъ за п. Слово это въ рукописи было написано такъ: Па□рзи; слѣдовало прочесть паворози, а онъ прочелъ папорзи. Такое написаніе этого слова подтверждается, съ одной стороны, подобнымъ же написаніемъ слова слава (с□а), а съ другой—слѣдующимъ примѣромъ, извлеченнымъ нами изъ выше названнаго труда г. Бычкова: слово пророкъ пишется въ рукописныхъ сборникахъ XVI — XVIII вѣка постоянно такъ: пррѣкъ. Если прибавить къ этому и то, что слово паворозъ врядъ ли было извѣстно гр. Мусину-Пушкину, то его ошибка сдѣлается вполне понятною. Въ лѣтописяхъ, на сколько намъ извѣстно, слово это употреблено всего только одинъ разъ; именно про Мстислава Удалаго сказано, что въ битвѣ подъ Липицами „бѣ у него топоръ съ паворозомъ на рудѣ“. Паворозъ, павороза ср. польское row róz,—веревка. Желѣзная паворозъ, желѣзные паворози — по всей вѣроятности, сѣтка, сдѣланная изъ проволоки; она прикрѣплялась къ нижней части шлема и закрывала шею вмѣстѣ съ ближайшими частями тѣла. Можетъ быть впрочемъ, что „желѣзными паровозами“ шлемъ прикрѣплялся къ головѣ.

Донъ ти княже кличетъ и зоветъ князи на побѣду.

Данное мѣсто, хотя и нельзя отнести къ разряду темныхъ, но на нашъ взглядъ нельзя также сказать, чтобъ оно было объяснено удовлетворительно. Мы имѣемъ въ виду слово „ти“. Одни прямо, другіе косвенно утверждаютъ, что это—дат. падежъ отъ мѣстоименія 2-го лица. По нашему мнѣнію, это не мѣстоименіе, а усилительная частица, которая, согласно законамъ фонетики, является въ польскомъ языкѣ въ формѣ ci (с) Приведемъ нѣсколько примѣровъ для сравненія:

A jak ci ja zabił, tak ci ja pochował
Pod zielonym gaikiem domczek zfundował.
Kołb. Lud. I, 72.

A on ci ja prosi, by go dalej wiodła.
Ibid. 72.

Odprowadziłać go do księtego dworu
Ibid. 72.

Dobrześ ci ty dobrze Mateuszowi zrobił.
Ibid. 73.

O idź do dna miła sestro—idź do dna,
Jużes ci ty z bratem gadać—niegodna.

Ibid. 166.

Mateczkać mię tu—wrzuciła
Radaby panna—oj! była:

Ibid. 166.

Oj nic mi, nic mi, nic ci mi
Ludzie mi głowką okryli.

Oj macie'ć ich pani matko jeszcze dwie.

I ciebiem ci moja córko trzymała.

Oj nie śpię ci, ani czuję

Gdybyś było wprzód gadało
Byłobyś ci mamę miało.

Ibid. 212.

Jeszcze Kasia nie zaszła

Już ci za nią dwa posła. и т. д. и т. д.

Ibid. 189.

Въ значеніи усиленной частицы ти употреблено еще въ слѣдующемъ мѣстѣ: хоть и тяжко ти головѣ кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы. Въ такихъ формахъ какъ: бѣшець и т. д. ть (польск. с), по всей вѣроятности, тоже усиленная частица.

Ос. Гемелеревскій.